

МАРЬ

ТАТЬЯНА
КОРСАКОВА

Татьяна Корсакова

Марь

«Автор»

2024

Корсакова Т. В.

Марь / Т. В. Корсакова — «Автор», 2024

Стэф, авантюрист и коллекционер необычных вещей, покупает на подпольном аукционе старую армейскую флягу. Эта спонтанная покупка становится началом расследования, которое приводит его в глухую деревушку на краю огромного болота. Местные жители до сих пор верят, что на болоте обитают смертельно-опасные твари, а в его темных водах живет древняя рыба Марь. Никто и никогда не остается на болоте после захода солнца. Никто и никогда не открывает двери тем, кто приходит в ночи. Потому что ночь – это время Мари и ее чудовищных порождений. Но для того, чтобы разгадать загадку далекого прошлого, Стэфу нужно стать тем, кто не боится рисковать в настоящем.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	25
Глава 5	30
Глава 6	37
Глава 7	43
Глава 8	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Татьяна Корсакова

Марь

Глава 1

Аукцион был организован в промзоне. О том, что в одном из цехов заброшенного завода кипит культурная жизнь, говорили лишь дремлющие на бетонной площадке авто. Авто были разные: от простеньких и неприметных до навороченных и очень даже приметных. Первые стояли неприкаянные, за вторыми присматривали водители. Один из них прямо сейчас наблюдал за маневрами Стэфа, опершись на капот сияющего «Майбаха». Пиджак под его левой подмышкой многозначительно топорщился, а выражение лица было обманчиво скучающим.

Стэф приткнул свой внедорожник между «Майбахом» и канареечно-желтым «Хаммером», посмотрел в зеркало заднего вида. Сказать по правде, для него не имело особого значения то, как он выглядит. На аукционе встречали отнюдь не по одежкам. Это была многолетняя привычка контролировать свой внешний вид, не более того.

На сей раз вид у Стэфа был так себе. Из зеркала на него недобро зыркал бородатый дядька с волосами до плеч. Пожалуй, он мог бы сойти за охочего до антиквариата батюшку, но борода его была лохматой и некультуренной. Стэфу она не нравилась, но предпринимать хоть минимальные усилия для того, чтобы выглядеть цивилизованно, он в ближайшее время не планировал. Движением, которое стало уже почти привычным, Стэф провел ладонью по бороде, откинул со лба волосы и глянул на наручные часы. До начала аукциона оставалось полчаса. Этого времени было вполне достаточно, чтобы ознакомиться с лотами, не имеющими особой культурной ценности и выставленными на витринах на всеобщее обозрение. По опыту Стэф знал, что многие из этих лотов так и останутся невыкупленными. Большинство из них не стоило внимания, но иногда в куче не имеющего ни исторической, ни культурной ценности хлама попадались настоящие бриллианты.

Когда Стэф выбрался из салона своего авто, бетонную площадку залил холодный свет промышленных прожекторов. Судя по всему, установлены они были недавно. И с огромной долей вероятности будут демонтированы сразу после завершения аукциона.

Этот аукцион был нелегальный. О его существовании, времени и месте проведения знал лишь узкий круг посвященных. И если со временем все было более или менее ясно: темное время суток, иногда поздний вечер, иногда глухая ночь, а иногда и утренняя зорька, то место всякий раз было новое, временами весьма экстравагантное. В прошлый раз Стэфу пришлось переться к черту на рога, в какой-то богом забытый колхоз. Оказывается, в стране еще оставались колхозы! Такие олдскульные: со свинофермами, коровниками, механизированными дворами и зернохранилищами! Аукцион проводился как раз на мехдворе. Тракторы и комбайны, которые Стэф там заприметил, были в таком плачевном состоянии, что было не понять, на ходу они или давно списаны. Но рядом со старыми комбайнами, молотилками и тракторами «Беларусь» соседствовали тринадцать редчайших антикварных автомобилей. Стэфа авто не интересовали, он рассчитывал найти бриллиант в сопровождающей подобные аукционы мелочевке. К слову, ничего так и не нашел. Но сегодняшний аукцион обещал быть интересным. Его спонсорами выступали черные копатели, а эти ребята знали свое дело и не заламывали цены.

Стэф прошел мимо водилы «Майбаха», затылком ощущая на себе его презрительный взгляд. В другой ситуации Стэфа с его старым, выдавшим виды, грязь и бездорожье джипом наверняка уже вытурили бы со стоянки. Но на нелегальных аукционах царилась самая настоящая демократия! Если у тебя есть пригласительный билет, не имеет значения, на какой машине ты приехал. Да хоть на телеге! Да хоть на велосипеде!

Кстати, кто-то как раз на велосипеде и явился: простеньком, с облупленной рамой и трогательной хозяйственной корзинкой, закрепленной на багажнике. Велосипед был пристегнут цепью к торчащей из бетонной плиты арматурной петле. Стэф усмехнулся. Пожалуй, увидеть хозяина велосипеда ему хотелось не меньше, чем отыскать на задворках аукциона свой бриллиант.

На входе в цех стояли два амбала в черных костюмах. Стэф мысленно называл таких похоронной командой, но внешне никогда не проявлял признаков неуважения. У людей такая работа и такое представление, как должен выглядеть крутой охранник на крутом подпольном аукционе. Благо, общаться с ними Стэфу обычно не приходилось. Вот и сейчас не пришлось. Стоило ему только приблизиться к ржавой двери, как между амбалами материализовался щуплый и верткий старичок в ладно сидящем смокинге.

– Милости просим, – сказал старичок и сдержанно поклонился Стэфу. – Ваше приглашение, будьте так любезны!

На Стэфа старичок-распорядитель смотрел как на любимого внука. Впрочем, с подобной любезностью и благодушием он относился абсолютно ко всем гостям аукциона.

Стэф протянул ему приглашение: качественная полиграфия, элегантный дизайн, голографическая защита. Все как в лучших домах Парижа. Глаз у распорядителя был наметан, и на изучение документа у него ушло всего пару секунд. Однако, возвращая Стэфу приглашение, он не удержался от изумленного взгляда. Стэф выжидающе приподнял брови. Распорядитель расплылся в вежливой улыбке, сказал:

– Рад приветствовать вас на нашем аукционе! Надеюсь, он оправдает ваши чаяния!

– Я тоже надеюсь! – Стэф сунул приглашение в нагрудный карман и шагнул в прохладный сумрак старого цеха.

Впрочем, сумрак тут же сменился мягким белым светом. Именно такой свет нужен, чтобы гости могли рассмотреть то, что хотели рассмотреть. Прохладу создавали несколько климатических установок. Стэф знал, что организаторы аукциона в большей степени заботятся о сохранности экспонатов, чем о комфорте гостей. Нет, о комфорте гостей они тоже позаботились: не успел Стэф сделать и пары шагов, как перед ним материализовался официант с подносом в руках. На подносе стояли бокалы с шампанским. Стэф отмахнулся. Совершать сделки он предпочитал с ясной головой. Как и водить машину. Официант испарился, а Стэф направился к огромному экрану, свисающему с потолка. На экране неспешно сменяли друг друга фото и описание лотов. На сей раз аукцион был тематический, посвященный Великой Отечественной войне. Все представленное на экране Стэф уже видел в буклете, поэтому задерживаться не стал, направился в дальний конец цеха.

Цех по случаю аукциона привели в порядок и очистили от мусора. В центре перед обтянутой черным бархатом трибуной стояли ряды старых деревянных стульев, очевидно, предназначенных для гостей. Стулья тоже представляли некоторый исторический интерес, но явно недостаточный, чтобы стать объектами торгов. Стэф обошел трибуну, подошел к витрине с лотами, не имеющими особой ценности и рассчитанными на не слишком взыскательных покупателей. Стэф считал себя взыскательным, но свято верил в свою удачу коллекционера.

Перед одной из витрин стоял высокий благолепного вида старичок в твидовом костюме и очках в старомодной роговой оправе. Судя по прищепке на его правой брючине, именно он и был владельцем велосипеда. Старичок перехватил взгляд Стэфа и смущенно улыбнулся.

– Старая привычка, – сказал он, снимая прищепку и засовывая ее в карман пиджака.

На велике была защита цепи, и риск порвать брюки был минимален. Но старые привычки на то и старые, чтобы следовать им на уровне автоматизма. Стэф понимающе улыбнулся.

– Антон Палыч! – Старичок протянул ему сухонькую ладонь. Рукопожатие его оказалось на удивление крепким. – И прошу вас воздержаться от шуток! – Он со страдальческим видом закатил глаза. – Матушка моя была поклонницей таланта, так сказать. Иногда мне кажется, что

она и папеньку выбирала исключительно из-за его имени, чтобы иметь возможность воплотить во мне свои тайные чаяния.

– А если бы у вашей матушки родилась дочь? – вежливо поинтересовался Стэф.

– А она и родилась! И на этот случай у матушки тоже имелся план! – Антон Палыч хитро усмехнулся. – Мою сестру она назвала Анной Павловной. – Он испытующе глянул на Стэфа, словно тот был не покупателем на нелегальном аукционе, а студентом на экзамене по культурологии.

– Это имя должно мне что-то сказать? – спросил Стэф, включаясь в предложенную старичком игру.

– Если вы считаете себя образованным человеком, то несомненно!

– Дадите подсказку?

– Да! Моя матушка была поклонницей не только прозы, но и поэзии. – Антон Палыч хитро сощурился.

Стэф тоже сощурился, а потом продекламировал:

*Тумана саваном окутано селенье
Сквозь ночи мрак густой из желтых камышей
С болота крадутся толпою привиденья
В деревню сонную и носятся над ней.*

– Bravo, молодой человек! – Антон Палыч похлопал его по плечу. – Поразительная эрудиция в наши дремучие времена! Анна Павловна Барыкова, еще один кумир моей незабвенной матушки! А вы знаете, что Анна Павловна была из Толстых? Тех самых... – он понизил голос до благоговейного шепота.

Стэф когда-то что-то такое читал, но кто кому и кем приходился в сиятельном семействе Толстых, уже не помнил, поэтому просто молча кивнул.

– Замечательно! – констатировал Антон Палыч, а потом сказал уже совсем другим, деловым тоном. – Этот аукцион начался хорошо, очень хорошо, молодой человек. – Он выжидающе посмотрел на Стэфа поверх очков.

– Стефан, – представился тот. На подобных мероприятиях для поддержания светской беседы одного лишь имени было вполне достаточно. Довольно часто даже имя было вымышленным.

– Очень приятно, Стефан! – Антон Палыч снова потряс его руку и продолжил: – Я, знаете ли, верю в приметы, не чужаюсь символизма и предзнаменований.

– И, по-вашему, я доброе предзнаменование? – улыбнулся Стэф, оглаживая свою непослушную бородень.

– Встреча с умным человеком – всегда доброе предзнаменование, – усмехнулся Антон Палыч. – И знаете что? Я сделаю вам подарок! – Его морщинистое, покрытое старческими пигментными пятнами лицо расплылось в улыбке, обнажая желтые зубы заядлого курильщика.

– Неожиданно.

Пожалуй, Стэфу тоже нравились символизм и предзнаменования, особенно добрые. Мог ли он считать встречу с Антоном Палычем добрым предзнаменованием? Время покажет.

– Я уступлю вам лот, который вы выберете. Любой лот. Не стану перебивать ваши ставки. Отчего-то мне кажется, что мы с вами нацелены на что-то такое... – Антон Палыч шелкнул пальцами. Звук получился неожиданно чистый и звонкий, как пистолетный выстрел. – Необычное!

– Я пока вообще ни на что не нацелен, – признался Стэф.

– Не желаете принять участие в аукционе? Есть несколько весьма любопытных предложений.

– С вашего позволения, я бы пока осмотрелся.

– Простите старика, совсем забыл о приличиях! Давайте осмотримся!

Помнил ли Антон Палыч о приличиях или тут же о них забыл, но двинулся вслед за Стэфом вдоль открытых витрин с лотами, которые были признаны организаторами малозначимыми.

– Вот любопытная вещица! – Он остановился перед одной из витрин. – Немецкая каска Stahlhelm M42. Цена на черном рынке порядка семи сотен долларов.

– С пулевым отверстием, – Стэф склонился над каской.

– Думаю, этот факт повышает ее рыночную стоимость. – Антон Палыч посмотрел на Стэфа испытующим взглядом. Тот неопределенно пожал плечами и двинулся дальше.

– Германский бинокль в оригинальном футляре, – прочел Антон Палыч на сопроводительной бирке следующего предмета, а от себя добавил: – Компания Карла Цейсса. Весьма сносное состояние. Думается мне, его можно выкупить за тысячу долларов.

И снова вопросительно-испытующий взгляд. Стэф усмехнулся и направился к следующему лоту.

Они прошли вдоль всей витрины, изредка останавливаясь и разглядывая лежащие на ней предметы. Стэфа не заинтересовал ни один из них. Даже кортик офицера Вермахта в металлических ножнах. Не то чтобы он отчаялся или разочаровался, но следовало признать, что на сей раз фортуна от него отвернулась.

– Неужели ничего? – спросил Антон Палыч сочувственно.

– Боюсь, так и есть. – Стэф развел руками.

Он решал, остаться до конца аукциона или не терять понапрасну время, когда взгляд его остановился на стоящем поодаль столе. На столе лежало «барахло», которое можно было купить по фиксированной цене, если вдруг кто-то вообще захочет что-то из этого купить. Стэф шагнул к столу. Антон Палыч двинулся следом. Его присутствие и стариковское любопытство не раздражало, а воспринималось таким забавным фоном.

«Барахло» было свалено в небрежную кучу. На всех предметах были наклеены ценники кислотного-желтого, совершенно неуместного для столь серьезного мероприятия цвета. Дранный полуистлевший патронташ под обоймы винтовки Мосина, потертый ремень РККА, несколько выцветших немецких агиток размером пять на шесть сантиметров. Для кого-то это «барахло» могло показаться настоящим богатством, но не для той пресыщенной и требовательной публики, что собралась на аукционе.

Фляжка лежала под патронташем рядом с протертым до дыр кожаным планшетом. Наверное, если бы не вызывающе яркий ценник на ее горлышке, Стэф бы ее даже не заметил. Но он заметил и замер, как замирает охотник перед решающим выстрелом. На желтом фоне прямо от руки была написана цена: какие-то смешные пятьдесят долларов. Стэф взял фляжку в руки, с непонятым раздражением отклеил ценник.

– Тысяча девятьсот сорок первый год, мне думается, – послышался за его спиной голос Антона Палыча, и раздражение Стэфа сделалось чуть более ощутимым. – Видите здесь соединительное кольцо штампованное? А до сорок первого оно было проволочным. Чехол, кстати, в очень недурственном состоянии. Суконные вещи, как мы знаем, ветшают очень быстро. А тут... – Антон Палыч встал перед Стэфом, и тот испугался, что старик захочет взять его находку в руки. – А тут все идеально, как и краска на фляге. Не знаю, кто оценивал этот предмет, но он явно продешевил. Вам нравится, Стефан?

Стэф кивнул.

– Буду брать с собой в походы, – сказал он тоном одновременно легкомысленным и лишь самую малость радостным. – Интересная вещица!

– Для походов я порекомендовал бы вам флягу немецкого производителя. Вот, к примеру, эту! – Антон Палыч развернул буклет и постучал пальцем по одной из фотографий. –

Алюминиевая фляга с кружкой образца тысяча девятьсот тридцать первого года в фетровом чехле. Состояние идеальное. Цена, я думаю, будет вполне приемлемой. А качество и функциональность этих двух фляг нет смысла даже сравнивать. Фляга с крышкой и фляга с кружкой. Фляга в суконном чехле на пластмассовой пуговице и фляга в фетровом чехле на латунных кнопках с тиснением. Думаю, вы понимаете, о чем я?

– Я понимаю. – Стэф кивнул. – Но мне милее эта! – Он поднес флягу к лицу, всмотрелся в липкий след, оставшийся от ценника, поскреб его ногтем.

– То есть вы нашли то, что искали? – Антон Палыч расплылся в улыбке.

– Думаю, нашел.

– Ну что ж, как говорила моя матушка: выбирай удилице по лову, а крючок по рыбе. Вы пришли за конкретной рыбой, и нет смысла закидывать невод. Надеюсь, вы все-таки останетесь на торги. Поддержите старика добрым словом, поделитесь удачей?

– А вы пришли с удочкой или неводом? – уточнил Стэф.

– А у меня всегда при себе и удочка, и невод, и динамит. – Антон Палыч усмехнулся. На мгновение он перестал быть добрым старичком-профессором, а во взгляде его промелькнуло что-то яркое, как вспышка того самого динамита.

Стэф усмехнулся в ответ и позволил увлечь себя к винтажным стульям, на которых уже рассаживалась разномастная публика. По пути он замедлил шаг, махнул рукой ошивающемуся поблизости крепкому бритоголовому парню в камуфляже. Парень наверняка был неофитом. Стэф раньше его не видел. Но, несомненно, именно он был хозяином «барахла».

– Здесь был ценник, – сказал парень с вызовом. – Пятьдесят баксов!

А мог ведь и соврать, увеличить цену, увидев интерес покупателя. Но не соврал, сказал правду.

– Я его отклеил. – Стэф вытащил бумажник, отсчитал десять купюр по десять долларов, протянул копателю.

Парень растянул губы в ухмылке, которую можно было бы охарактеризовать словом «презрительная», и вернул пять купюр обратно.

– Пятьдесят, – сказал он с удивительным для его более чем сомнительного занятия достоинством.

Стэф молча забрал деньги. Оставшиеся пятьдесят баксов копатель сунул в карман камуфляжных штанов, ухмыльнулся теперь уже дерзко и нагло.

– Вот, возьмите! – В его заскорузлых, но по-музыкальному длинных пальцах появился небольшой кусок картона. – Это моя визитка. Вдруг вам понадобится нечто подобное.

Нечто подобное Стэфа больше не интересовало. Он уже нашел то, что искал. Но визитку он все равно взял и, не глядя, сунул в бумажник. Парень хотел было сказать что-то еще, но со стороны импровизированной сцены послышался треск микрофона и бодрый голос ведущего, оповещающий о начале аукциона.

Аукцион проходил бойко: покупатели не скупались, ставки росли, молоток аукциониста отбивал их со звонким стуком. Публика входила в азарт. Стэфу показалось, что невозмутимыми во всем зале оставались только они с Антон Палычем. Старик, к слову, так ничего и не купил. Он сидел с задумчивым видом и почти не следил за тем, что происходило на сцене. Похоже, на сей раз символизм не сработал. Или ставки были слишком высоки? Стэф уже давно научился не оценивать людей по внешнему виду. По тому, как вел себя его новый знакомый, было совершенно ясно: он знает, чего хочет, и может себе это позволить.

– Ничего не выбрали? – спросил Стэф скорее из вежливости, чем из любопытства. – Плохой из меня талисман.

– Это смотря с какой стороны посмотреть, дорогой Стефан. – Антон Палыч выглядел безмятежным и добродушным. – Как говорила моя матушка: никогда не знаешь, где найдешь,

где потеряешь. А вы уходите с уловом. – Он бросил многозначительный взгляд на простую картонную коробку, в которую Стэфу упаковали фляжку.

– Пригодилась удочка!

Стэфу уже не терпелось откланяться. Антон Палыч, почуяв его нетерпение, сказал с добродушной стариковской улыбкой:

– Был рад знакомству! Надеюсь, видимся не в последний раз!

Тоже выразив положенные случаю радость и надежду, Стэф откланялся.

Свою коробку он нес бережно, словно в ней лежала не алюминиевая фляга, а фарфоровая ваза династии Цинь. Ему так сильно хотелось остаться с ней наедине, что, отъезжая от завода, он даже не глянул в зеркальце заднего вида. А если бы глянул, то наверняка увидел бы, как из ворот неспешно выходит Антон Палыч, как достает из кармана пиджака прищепку и зажимает ею свою правую штанину, а потом долго возится с замком на цепи и усаживается на велосипед. Вот это Стэф точно увидел бы, но наверняка не увидел бы, как за катящимся по бетонной дороге велосипедом медленно и послушно, словно на привязи, ползут и блестящий «Майбах», и канареечно-желтый «Хаммер».

Глава 2

В дверь поскреблись в самую темную, самую страшную пору – на рассвете. Звук был такой слабый, что Стеша не сразу поняла, сон это или реальность. На рассвете даже сны были страшные, притравленные страхом, замутненные туманом. Дурные сны в дурном месте в дурное время.

Тихий стук повторился, выдергивая ее из дымного марева дремоты. Стеша рывком села в кровати, проверила, все ли в порядке с Катюшей. Катюша спала, уткнувшись лбом в плюшевый коврик с оленями и подтянув к животу колени. Стук или что это было, ее не разбудил, но потревожил: Катюша застонала и всхлипнула. Стеша успокаивающе погладила ее по влажным от пота волосам, а потом набросила на плечи шаль, на цыпочках подошла к двери, затаила дыхание, прислушалась и шепотом спросила:

– Кто там?

– Отойди!

Из темноты сеней выступила баба Марфа. В отличие от Стеши, она была полностью одета, словно так и спала, в шерстяной юбке до пола и вязаной кофте. Даже ее черный вдовий платок был повязан аккуратно и плотно, будто был не головным убором, а медицинской повязкой. Будто баба Марфа была контуженной, как те молоденькие солдатики, которых Стеша видела в госпитале перед эвакуацией.

– Отойди от двери, Стэфа! – сказала баба Марфа свистящим шепотом.

– Стучались, бабушка. – Стеша прижалась ухом к шершавой дубовой доске, из которой была сделана дверь их старого дома.

– Сама знаю.

Баба Марфа быстро перекрестилась, потом перекрестила Стешу вместе с дверью. Стеша поморщилась. Ей не нравились эти мракобесные пережитки, но поделаться с упрямой бабой Марфой она ничего не могла. Да и не имела права! Они с Катюшей жили в этом доме на птичьих правах: бедные родственники, бегущие от ужасов войны из большого города в богом забытую деревню на краю болот.

Стеша бы не бежала! Нет, она бежала бы, но не назад, а вперед, на фронт! Там она была бы нужнее и полезнее! Там был отец! Там было Стешино сердце! Но с ней осталась пятилетняя Катюша. А у Катюши никого, кроме нее, больше не было. Кроме нее и мрачной, вечно недовольной бабы Марфы.

Баба Марфа встретила их неприветливо, окинула недобрým взглядом, покачала головой, спросила дребезжающим голосом:

– Зачем явились?

Это был странный и неуместный вопрос. Явились, потому что папа ушел на фронт, а мама погибла во время бомбежки. Потому что им больше некуда было идти. Не было у них других родственников, кроме этой неласковой вредной старухи с черными, как уголья, глазами и уродливым следом от ожога на пол-лица. Потому что она была не просто неласковой старухой, а их с Катюшей бабушкой, маминной мамой.

– Я Стефания, – сказала тогда Стеша. – А это Катя. – Она притянула к себе сестренку, словно защищая ее не только от опасностей внешнего мира, но и от вот этой болотной ведьмы. – Мы...

– Я знаю, кто вы. – Баба Марфа раздраженно поморщилась. – Я спросила, зачем вы здесь?

– Мама погибла, – сказала Стеша шепотом.

Ей до сих пор казалось, что если не кричать о маминной смерти в голос, все еще можно будет исправить, что дом их восстанет из руин, а Катюша снова станет разговаривать. Она

и разговаривала, но только во сне. Криком кричала, звала маму и ее, Стешу, а потом плакала и задыхалась. И Стеше приходилось ее будить, прижимать к себе, баюкать. Ей приходилось быть для нее не только старшей сестрой, но и мамой. А теперь эта гадкая старуха с камнем вместо сердца спрашивала, зачем они здесь!

– Наша мама... Ваша дочь погибла два месяца назад.

Чтобы не расплакаться, Стеша улыбалась холодной, сумасшедшей какой-то улыбкой, словно дерзость помогла ей удержаться на плаву. А может, и помогла! Как знать. Как-то же они с Катюшей продержались, пока добирались из города в затерянную на краю болот деревушку. Продержались и выжили!

– Я знаю, – сказала баба Марфа с таким страшным, таким нечеловеческим равнодушием, что у Стешы закружилась голова и улыбка превратилась в оскал.

– Пойдем, Катя. – Она крепко взяла сестру за руку. – Пойдем еще немного... погуляем.

Стеша рассказывала Катюше сказки, сочиняла их на ходу. Она называла их страшный побег от войны путешествием. И сестра ей верила. Она была в том возрасте, когда верить еще легко, когда сказки ничем не отличаются от реальности. Да и в чем отличие страшной сказки от страшной реальности? Вот эта чужая злобная старуха – тоже персонаж страшной сказки.

– Стой. – сказала злобная старуха таким же злобным голосом.

Стеша замерла, оглянулась.

– Входите, раз уж явились. – Старуха отступила от двери. Не распахнула ее гостеприимно, а оставила маленькую неприветливую щелочку и повторила: – Входите!

И они просочились в эту узкую щелочку. Будто из одной страшной сказки в другую.

У Стешы все еще оставалась хрупкая надежда, что баба Марфа смягчится, посмотрит на них с Катюшей, поймет, наконец, что они ее единственные внуки, единственные оставшиеся в живых родственники. А еще у Стешы была надежда, что баба Марфа не просто смягчится, а полюбит. Нет, не ее. Ей не нужна ничья любовь! Пусть только Катюшу. Она ведь заслуживает любви и заботы. Она чудесная девочка.

Баба Марфа не смягчилась. Крыша над головой, кровать с плюшевым ковриком на стене, краюха хлеба с пшеничной кашей – вот и все, на что она сподобилась. Никаких тебе душевных разговоров-уговоров, никаких расспросов о маме и прежней их жизни. Ни-че-го! Они просто стали частью этого большого и мрачного дома. Не мебелью, но чем-то не особо от отличающимся и не особо ценным.

Мысли о том, чтобы оставить Катюшу с бабой Марфой, а самой отправиться на фронт, посещали Стешу все чаще и чаще. До войны она успела закончить три курса медицинского института. Конечно, она еще не врач, но уже многое умеет. Она видела, как работает отец: он брал ее на свои операции. Стеша росла на красочных детских книжках, купленных мамой, и на не менее красочных анатомических атласах отца. Она с детства знала, что нога – это не просто нога, а стопа, голень и бедро. Она знала, из чего состоит человеческий организм, и могла перечислить все эти составные части на латыни. Она бы пригодилась на фронте! Она могла бы стать сестрой милосердия в мире, где почти не осталось милосердия. Но баба Марфа сказала «нет».

– Если хочешь уйти, забирай ее с собой. – Баба Марфа кивнула на сидящую у окошка Катю. – Вдвоем пришли, вдвоем и уходите. Мне она не нужна.

Эта бессердечная старуха говорила, не понижая голоса, не щадя ни Стешу, ни Катюшу. Ей было все равно, что с ними станет. Ей было все равно, но Стеша не могла рисковать жизнью младшей сестры и поэтому осталась. Только поэтому.

– А если останетесь, – баба Марфа словно читала ее мысли, – если останетесь, будете слушаться. Жить будете по моим правилам. Уяснила?

Она вперила тяжёлый взгляд в Стешу. Захотелось отшатнуться или хотя бы зажмуриться, хоть как-то защититься от этого недоброго и колючего взгляда, но Стеша осталась недвижимой и молча кивнула в ответ.

– Правила у меня простые, – продолжила баба Марфа, а потом взгляделась в серую муть за стеклом и сказала задумчиво: – Зима закончилась.

Наверное, этот факт что-то значил, но Стеша пока не могла понять, что именно. Она вообще мало что понимала из правил этого дикого деревенского мира.

– Зима на исходе, – припечатала баба Марфа и отошла от окна. – Болото скоро откроется.

Это прозвучало так странно, так сказочно. Словно бы болото было дверью, которая вот-вот должна открыться. Стеша слушала молча, не перебивала. В конце концов, от этого зависело их с Катюшей будущее.

– На болоте свои правила. Ты их не знаешь. И не узнаешь никогда.

– Я узнаю.

– Молчать! – Баба Марфа сощурилась, и Стеша прикусила язык.

– Эти правила не для всех. Слезами и кровью они написаны, Стэф. К болоту близко не суйся. Сама не суйся и малую не пускай. Смотреть за вами мне некогда.

Болото... Да что ж страшного было в этом болоте? Белое, заснеженное, непроглядное. Сосенки да осинки. По краю крепкие, а дальше все более чахлые, едва ли не ниже кустов с черными мертвыми листьями на корявых ветках. Земля крепкая, по снежному насту птичьи и заячьи следы. И еще ее, Стешины. Далеко она тогда не ушла. Не потому, что испугалась, а потому, что было скучно брести по этому белому неровному полотну. И тогда они слепили с Катюшей снеговика: вместо носа воткнули ему еловую шишку, на голову приладили веночек из еловых лап, а на шею – Стешин полосатый шарф. Снеговик получился забавный. Катюша обнимала его круглое пузо и смеялась. А потом пришла баба Марфа с лопатой и прямо на глазах у Катюши снесла снеговика голову, сдернула с обезглавленного туловища шарф, разбурировала, растоптала рыхлое нутро, велела:

– Метлу принеси!

Ее голос звучал ровно и равнодушно. На всхлипывающую Катюшу она даже не смотрела.

– Зачем? – спросила Стеша одновременно растерянно и зло. – Зачем вы так?! Это всего лишь снеговик!

– Метлу принеси, – прошипела баба Марфа. – Быстро!

Стеша попятилась, схватила Катюшу за руку с такой силой, что сдернула шерстяную рукавичку с ее ладошки. Катюша упиралась, не хотела идти, пришлось тянуть ее к дому на буксире. Дома Стеша стащила с сестры вторую рукавичку, размотала крестом завязанный на груди пуховый платок, сняла шубку и валенки, усадила на табурет перед жарким печным боком, торопливо чмокнула в мокрую от слез щечку.

– Катюша, не плачь. Я сейчас! Я тебе его потом нарисую.

Наверное, нужно было успокоить сестренку прямо сейчас. Но баба Марфа ждала метлу. Но баба Марфа предупреждала насчет правил. А Стеша боялась разозлить ее еще сильнее. Не из-за себя боялась, а из-за Катюши.

– Я сейчас! Я быстро!

Она выбежала на мороз, схватив стоящую в сенях метлу: черные, словно обгоревшие, прутья на белом, как кость, черенке.

Баба Марфа молча забрала у нее метлу, принялась деловито ровнять снежный наст, уничтожать останки бедного снеговика. Еловую шишку она сунула в карман телогрейки, а веночек из веток разорвала в клочья и отшвырнула прочь колючие ошметки.

– Вон пошла! – сказала, не оборачиваясь и не глядя на Стешу. – В дом! – Припечатала, словно молотком ударила.

Стеша понятилась, а потом развернулась и побежала к дому. Как будто она была не взрослой двадцатилетней девушкой, а маленькой напуганной девочкой. Как Катюша.

Катюша не сидела у печки, а взобралась на стул у окошка и прижалась носом к стеклу, всматриваясь в наползающую с болота мглу. Стеша встала рядом, взглянула в окно. Она думала, что баба Марфа идет следом – гневная фурия с метлой. Но баба Марфа занималась чем-то куда более важным и бессмысленным. Она притаптывала снег валенками, двигаясь неспешно и целеустремленно. Издалека это было похоже на детскую забаву. Стеша и сама развлекалась так еще пару лет назад, когда притаптывала снег мелкими шажками, превращая свой след в подобие автомобильного. Стопы нужно было ставить елочкой, и тогда получался след от трактора. А что делала баба Марфа? Стеша сощурилась и точно так же, как Катюша, прижалась носом к холодному стеклу.

Баба Марфа притаптывала снег, медленно двигаясь вперед и в сторону. За ней оставался не след от протектора, а нечто совсем другое, извивающееся по-змеиному, длинное и опасное. Закончила она почти в том же месте, с которого начинала. Теперь на белом снегу отчетливо выделялся след змеи. Огромной змеи, кусающей себя за кончик хвоста. В то место, где у снежной змеи должен был быть глаз, баба Марфа с размаху воткнула еловую шишку. А потом распрямилась и посмотрела на Стешу.

Она не могла видеть их с Катюшей за прихваченным морозом стеклом, но Стеша кожей чувствовала: старуха смотрит именно на нее. И от этого недоброго взгляда волосы на загривке вставали дыбом.

– Пойдем. – Стеша сняла Катюшу со стула и поставила на пол. – Пойдем, я нарисую тебе нового снеговика.

Катюша протестующе замотала головой, личико ее сморщилось. Это были первые предвестники слез.

– Тогда сказку! Давай я расскажу тебе сказку о храбром снеговике, который обхитрил злую ведьму!

Катюша передумала плакать и закивала. Скрипнула входная дверь, по ногам потянуло холодом. Баба Марфа вошла в комнату, молча разделась, так же молча принялась готовить ужин. Мир за окном словно по щелчку погрузился во тьму.

После сказки о храбром снеговике Катюша уснула быстро, а Стеше не спалось. Хотелось пить и ответов на вопросы. Ответов хотелось больше, чем воды. На цыпочках она вышла из спальни в переднюю комнату. Баба Марфа сидела за столом и в слабом свете керосиновой лампы читала какую-то книгу. При появлении Стешы она захлопнула книгу и накрыла обложку своей узловатой ладонью, посмотрела по-змеиному пустым взглядом, а потом сказала:

– Большие никаких игр и никаких идолов на болоте.

– Идолов? – переспросила Стеша растерянно. – Снеговик – это, по-вашему, идол?!

Дремучая-дремучая старуха... Дремучая старуха, живущая на краю мира в своих сумасшедших фантазиях.

– Предупреждаю в последний раз. – Глаза бабы Марфы сверкнули красным, Стеша отшатнулась. Наверное, это была всего лишь игра света и тени. Наверное, ей просто показалось. Но до чего же жутко!

– Если ослушаешься еще раз, прогоню. – Голос старухи звучал ровно, словно говорила она о вещах простых и будничных, словно не собиралась лишить крова единственных внучек за невинную шалость.

– Что еще я не должна делать? – спросила Стеша с вызовом и скрестила руки на груди.

– Ты не должна ничего брать у болота и не давать ему ничего своего. – Баба Марфа многозначительно глянула на висящий на спинке стула полосатый шарф.

– Не брать у болота и не давать болоту? – переспросила Стеша.

Она все больше и больше убеждалась, что ее бабушка сошла с ума. Давно ли? Может быть, очень давно! Может быть, еще до их с Катюшей рождения. Иначе почему мама никогда не рассказывала им о ней, никогда не привозила в гости на лето? Стеша узнала о существовании этого места и этой старухи в самый последний миг маминой земной жизни. Вместо того чтобы навсегда попрощаться с ними, мама прошептала имя и адрес. Ее сил хватило лишь на самое последнее слово: «береги». Или, быть может, «берегись»? Стеша была так раздавлена свалившимся на нее горем, что не расслышала. Что хотела сказать ей мама? Было ли это напутствием или предупреждением? Стеша не знала и, наверное, уже никогда не узнает.

– Не бери и не отдавай. Если хочешь жить. Если хочешь, чтобы была жива она. – Старуха скосила взгляд в сторону приоткрытой двери.

– Оно не живое, это ваше болото. – У Стешы не было сил спорить. Кажется, у нее вообще не осталось сил.

– Неживое тоже может дарить подарки. – Баба Марфа отвернулась к окну, сказала, не глядя на Стешу: – Ступай спать. Устала я.

Глава 3

А спустя две недели после того странного разговора, в одну из глухих мартовских ночей, в дверь постучали. Сначала тихонечко, потом все сильнее и сильнее. Тяжелые дубовые доски содрогнулись и застонали. Стеша ойкнула и отшатнулась от двери. Баба Марфа осталась стоять на месте. Она что-то беззвучно шептала тонкими потрескавшимися губами и почти ласково оглаживала дверной косяк узловатыми пальцами.

– Кто это? – спросила Стеша шепотом.

– Гости. – Из складок юбки баба Марфа достала холицовый мешочек, высыпала на раскрытую ладонь щепотку какого-то серого порошка, а потом сдула его к порогу и сказала едва различимым шепотом: – Ступайте. Возвращайтесь обратно. Нет тут ничего вашего.

С той стороны двери зло и яростно завывли. А может, не завывли. А может, это был всего лишь ветер. У страха глаза велики. А Стеша боялась. До икоты, до мокрых ладоней, до тошноты.

Немцы... Фрицы со своими черными псами добрались и до них. Нашли дорогу и теперь похозяйски ломятся в дом. А голодные псы воют в нетерпении и предвкушении скорой поживы. Слухи сюда, на Змеиную заводь, доходили медленно и с большим опозданием. За то время, что Стеша прожила с бабой Марфой, она лишь несколько раз видела других людей.

В первый раз это была молодая пышнотелая девка в платке, так низко надвинутом на глаза, что невозможно было разглядеть ее лица. Девку баба Марфа в дом не пустила. Они о чем-то пошептались в сенях, а потом ушли в баню. Их не было несколько часов. Стеша видела слабый огонек свечи в черном банном оконце, но не слышала ни звука. А потом девка вышла. Она шла, пошатываясь, словно пьяная, сжимая голову руками и тихо голося. Она не перестала голосить, даже когда упала в рыхлый, прихваченный ледяной коркой снег. Стеша не выдержала, выскочила на крыльцо. Если человек шатается и плачет, если он упал и лежит в снегу, значит, с ним случилась беда, значит, ему нужна помощь.

Баба Марфа остановила ее взмахом руки. Стеша замерла как вкопанная на скользких ступенях. Девка медленно встала, отряхнула снег, посмотрела на Стешу ошалелым взглядом, махнула рукой, словно успокаивая, и медленно побрела прочь со двора. А баба Марфа вернулась в дом с куском сала и десятком яиц. И это было такое чудо – сало и яйца, что Стеша не стала даже спрашивать, платой за что они стали. Впрочем, баба Марфа все равно бы ей не ответила.

Вторым гостем стал очень высокий и очень худой мужчина, одетый в косматый тулуп, от которого шел дурной животный дух, и в косматую шапку-ушанку. Руки мужчины были красными от холода, а на изможденном лице играла благодатная улыбка. Он стоял на пороге их дома в клубах рвущегося наружу пара, мял в красных заскорузлых пальцах шапку и улыбался Стеше. Вот только улыбка у него была не благодатная, как ей показалось в первое мгновение, а блаженная. Блаженная улыбка на лице иконописной красоты.

Стеша бывала в церкви. Мама водила ее туда втайне от отца. Это был их маленький секрет, который Стеше было тяжело хранить, потому что в церкви ей не нравилось. Не могло нравиться! Она была атеисткой как папа. Она верила в светлое будущее и в товарища Сталина и не хотела верить в какого-то выдуманного бога. Но маме отчего-то были нужны эти редкие тайные визиты в церковь, и Стеша терпела. Во время службы она не вслушивалась в низкий голос батюшки, не впускала незнакомые слова ни в уши, ни в голову, ни в сердце. Она глазела по сторонам, разглядывала лики святых, которые казались живыми в неровном пламени свечей. У гостя было точно такое же лицо. Вот только улыбка... Вне всякого сомнения, гость был слабоумным.

– Серафим! – Баба Марфа обняла его за узкие плечи, и на мгновение Стеша почувствовала болезненный укол в сердце. Оказывается, ее бабушка могла быть добра с людьми. Вот с этим конкретным человеком.

– Звали, тетушка? – спросил Серафим неожиданно густым басом.

– Звала, Серафим. Входи!

Никого она не звала! Как она вообще могла его позвать, если не покидала двора?!

– Стэффа, поставь кипяток! – И никакого тебе представления. Ни слова о том, кто такая Стеша и откуда взялась. Ни слова о том, что она ее родная внучка. – Зверобой с малиной заварю тебе, Серафим. Будешь?

– Буду, тетушка!

Гость стряхнул с плеч тулуп, повесил на прибитую к стене вешалку, туда же пристроил шапку. Валенки снимать не стал, лишь притопнул ногами, стряхивая налипший снег. На Стешу он смотрел с детским каким-то любопытством, но никаких вопросов не задавал, лишь буркнул что-то неразборчивое и протиснулся в комнату. Пока Стеша возилась с кипятком и травами, он сидел неподвижно, с прямой спиной и сложенными на коленях руками. На лице его блуждала все та же благостная улыбка. Она сделалась шире, когда из-за печной занавески выглянула Катюша.

– Ой, – сказал Серафим и встал из-за стола с такой порывистостью, что едва не опрокинул стул. – Ой, какая!

Такими глазами смотрят маленькие дети на новую игрушку или подаренного котенка. Стеше сделалось не по себе. Она попыталась заступить Серафиму дорогу, но баба Марфа строго велела:

– Сядь! От него беды не будет.

– От Серафима беды не будет, – подтвердил юродивый и шмыгнул в сени. – Подарок от Серафима будет, – донесся оттуда его бас. А через мгновение он вернулся в комнату, неся деревянную птичку на веревочке. Веревочку Стеша заметила не сразу, и в первое мгновение ей показалось, что птичка парит в воздухе, что резные ее крылышки трепещут.

– Подарок! – Серафим подошел к печи, поднял руку с птичкой вверх, так, чтобы прячущаяся за занавеской Катюша смогла до нее дотянуться. – Птичка-невеличка, заря-заряничка. Подарок.

Катюша поколебалась несколько мгновений, а потом взяла птичку, прижала ее к щеке с совершенно счастливым выражением. Такое выражение лица Стеша видела у младшей сестры в последний раз, кажется, еще до войны. Она сглотнула колючий ком и ободряюще улыбнулась Катюше, а потом благодарно – Серафиму. Кем и каким бы он ни был, а Стеша была благодарна ему уже за то, что он подарил радость ее сестренке.

Заварился чай, и она поставила перед Серафимом большую алюминиевую кружку.

– Рано еще, – сказал он, бесстрашно делая большой глоток кипятка.

– Не рано. – Баба Марфа покачала головой, сказала ласково: – Ты, Серафим, все равно попробуй, послушай.

– А сами вы что, тетушка? – Серафим посмотрел на нее поверх чаши.

– Старая я стала, слух не тот. Еще и... обстоятельства. – Она как-то по-особенному посмотрела на Стешу. Наверное, это они с Катюшей и были теми самыми «обстоятельствами».

– Старость – не радость, – радостно закивал Серафим и сделал еще один глоток.

– Откуда вы знали? – спросила Стеша, вмешиваясь в этот странный, лишенный всякого смысла диалог. – Откуда вы знали, что нужно взять с собой птичку?

– У него всегда с собой птички, – сказала баба Марфа сухо.

– И ножичек! – Серафим положил на стол складной нож. – Трофейный ножичек! Хочешь птичку, Стэффа?

– Не хочу, спасибо.

– Правильно. – Он снова кивнул. – Ты не птичка. Ты змейка. Я тебе в другой раз змейку подарю. У меня есть.

– Созрелся, Серафим? – перебила его баба Марфа неожиданно резко, словно боялась, что он может наговорить глупостей. Или лишнего?

– Созрелся, тетушка.

– Тогда пойдём. По свету нужно управиться. Тебе потом еще в деревню возвращаться. Баба Марфа встала из-за стола.

– Никому дверь не открывай! – Она посмотрела на Стешу, как на маленькую.

– По свету никто не придет, тетушка. – Серафим улыбнулся своей блаженной улыбкой. – Не будет беды ни птичке-невеличке, ни змейке.

– Она не змейка! – сказала баба Марфа неожиданно резко. – Не дури, Серафим! Пойдем уже!

Они вышли в не по-весеннему трескучий мороз, а Стеша выскользнула следом. Назло бабе Марфе, а еще из-за жгучего любопытства. Прежде чем уйти, она велела Катюше задвинуть засов, попросила не подходить ни к дверям, ни к окнам. Не было страха в этой глуши. Не докатился он еще сюда. Да и она ненадолго: глянет одним глазком и вернется. Никто и не узнает.

Катюша была очарована своей деревянной птичкой, потому была сговорчивой и послушной. Стеша постояла за дверью, чтобы убедиться, что сестра задвинула тяжёлый засов, а потом припустила по прихваченному ледяной коркой снегу.

Идти за бабой Марфой и Серафимом было просто: Стеша отчетливо видела на снегу две цепочки следов. Главное, чтобы ее саму не увидели. Баба Марфа наверняка разозлится, станет кричать. Ну и пусть! Стеша взрослая и сама себе хозяйка!

С берега болото казалось равнинным и открытым. То, что это всего лишь иллюзия, выяснилось довольно быстро. Высокие кусты и чахлые деревца как-то незаметно превратились в мудреный лабиринт. И даже ажурное сплетение голых ветвей не делало этот лабиринт более обзримым и более проходимым. На ветвях колыхались ошметки сизого тумана, туман просачивался сквозь рыхлый снег, сэжирал оставленные бабой Марфой и Серафимом следы. Стеша и сама не поняла, когда заблудилась в этом сером холодном мареве. Не поняла, как сомкнулись над ее головой черные ветви, как начал проседать и таять под ногами снег. Она заблудилась в трех соснах. Заблудилась и испугалась.

Страх пробрался за ворот полушубка, пошарил лапой по спине, оставляя дорожки холодного пота на коже. Страх отнял голос, но заставил смотреть и слушать.

Снег не таял. Снег бугрился, перекатывался, как песчаные барханы в пустыне. Или не барханы перекатывались, а что-то огромное перекатывалось под ними? Медленно, едва заметно глазу, вздымалось снежными волнами. Другой человек не заметил бы, но Стеша смотрела: до слез, до рези в глазах всматривалась, как под снежной шкурой болота извивается нечто огромное, нездешнее. Как сама эта шкура нервно вздрагивает, как топорищаются черные былинки, словно вставшая дыбом шерсть и чахлые ели выстраиваются рядком, обозначая спрятанный под снежной шкурой хребет.

Стеша смотрела и слушала. И слышала. Тихое шуршание. Металлом о лед. Нет, чешуей о лед. Тихое шипение в такт перекатыванию снежных барханов. Она прижалась спиной к березке. Она затаилась и перестала дышать. Она была достаточно взрослой и достаточно образованной, чтобы понимать, что происходящее – это всего лишь плод ее воображения. Она была достаточно юной, чтобы помнить страшные сказки и испытывать страх. Горячий, животный, не поддающийся никакому осмыслению.

Болото жило, вздыхало и двигалось вокруг Стешы, над ее головой и прямо под ее ногами. Болото тоже смотрело и слушало. Смотрело желтыми звериными глазами, слушало

острыми ушами, скалилось невидимыми из-за тумана пастями. Болото было ей не радо. Болото размышляло, как с ней лучше поступить. А в это самое время снег под Стешинными ногами таял, превращался в темные лужицы, от которых пахло тиной, торфом и почему-то костром. Стеша сделала шаг в сторону, наблюдая, как прихватывает льдом то место, на котором она только что стояла, ощущая, как просачивается сквозь плотный войлок валенок ледяная вода.

Может быть, она бы так и осталась стоять на самом хребте распластанной под снегом невидимой туши невидимого зверя, зачарованная и потерянная, если бы не вспомнила вдруг про Катюшу. Если бы не очнулась от морока в тот самый момент, когда ноги ее погрузились в болотную воду уже едва ли не по колено. Именно мысли о младшей сестре, а не холод, привели ее в чувство и заставили действовать. Стеша сделала резкий выдох, освобождая легкие от ядовитых болотных испарений, а мозг от дурмана. Она выдернула из ледяной ловушки сначала одну ногу, потом другую и помчалась прочь.

Стеша бежала, не разбирая дороги, боясь остановиться хоть на мгновение, боясь снова уйти в трясицу: сначала по колено, потом по пояс, а потом и по самое горло. Она не думала ни о ком и ни о чем, кроме Катюши. И мысль эта была для нее путеводной нитью, на конце которой теплился крошечный огонек. На свет этого огонька Стеша и бежала, отбросив страх и сомнения, больше не прислушиваясь и не взглядываясь.

Топь закончилась так же внезапно, как и началась. Стешу словно вытолкнуло из одной реальности в другую. Из мутно-стылой в бодряще-яркую, настоящую. Захотелось одновременно смеяться и плакать от облегчения. Вместо этого Стеша оглянулась. Из тумана ненастоящей реальности за ней наблюдали. Она кожей чувствовала этот внимательный и, кажется, недобрый взгляд. К черту! Она выбралась! Все остальное ей померещилось! Не стоит пить чай бабы Марфы. Кто знает, что она в него подмешивает!

Несмотря на то, что замерзшие ступни колото тысячей иголок, к дому Стеша вышла не по прямой, а по дуге, чтобы не оставлять следов, чтобы баба Марфа не догадалась о том, что она ослушалась приказа. И лишь оказавшись в безопасном полумраке сеней, Стеша вдруг поняла, что во время своей глупой вылазки потеряла платок.

Это был подарок мамы на совершеннолетие. Ярко-красный шерстяной платок! Стеша надела его всего однажды, просто чтобы порадовать маму, а потом засунила в дальний угол шкафа и забыла. Она вспомнила про него только после маминой смерти и долго рылась в шкафу, выбрасывая на пол такие красивые, но такие бесполезные в новом мире вещи. А когда, наконец, нашла платок, разрыдалась. Это был первый и последний раз, когда Стеша позволила себе быть слабой. Она обещала маме беречь или беречься. У нее была Катюша и призрачная, почти неосуществимая цель. Ей нужно было найти какой-то богом забытый дом, потому что мама считала, что так будет правильно.

И вот Стеша нашла дом. Нашла бабушку, которой они с Катюшей не в радость, а в тягость. Она нашла все это пустое и бесполезное, а потеряла самое дорогое – последний мамин подарок. Сейчас бы погоревать, заскулить тоненько, по-щенячьи, чтобы никто ничего не услышал и ничего не понял. Но времени нет!

Времени хватило лишь на то, чтобы убедиться, что с Катюшей все хорошо, сбросить насквозь промокшие, колом стоящие от замерзшей воды штаны, приткнуть валенки в дальний угол печи, переодеться в сухое и вытереть натекшую на пол лужу.

Баба Марфа и Серафим вошли в дом в тот самый момент, когда запыхавшаяся Стеша рухнула на стул с книжкой в руках. Серафим был по-прежнему благостно-невозмутим, а баба Марфа привычно мрачна. Она бросила на Стешу быстрый взгляд, велела:

– Налей чайку.

Стеша разлила по двум чашкам оставшееся с прошлого раза зелье, добавила кипятка. Сама пить не стала, хватило ей уже. Серафим пил чай с таким удовольствием, словно это

было лучшее лакомство в его жизни. Стеше даже стало как-то неловко. Все же гостей нужно встречать по-другому, не одним только кипятком. У них ведь есть баранки, сухие и твердые, как камень. Не сладкие, но все равно очень вкусные, если есть их вприкуску с чаем. Но это был не ее дом, и не она была в нем хозяйкой, поэтому просто молча наблюдала за тем, как Серафим допил свой пустой чай, довольно крякнул и отодвинул от себя алюминиевую кружку.

– Вот, с собой возьми. – Баба Марфа положила перед ним завернутый в тряпицу сверток. Что-то небольшое, но точно съедобное, потому что следом она сказала: – Тут тебе и сестре с малым. Свою долю сразу не ешь, Серафим.

Серафим понюхал сверток, счастливо зажмурился.

– На три дня тут тебе. Понял? – сказала баба Марфа строго. – Если снова живот прихватит, помогать не стану. Не в том я возрасте, да и не до того мне сейчас.

Серафим послушно кивнул, сунул сверток за пазуху, посмотрел на Стешу своими ясными, точно нарисованными глазами, а потом вдруг сказал:

– Это она, тетушка.

– Глупости не говори! – прикрикнула на него баба Марфа и даже замахнулась полотенцем. – Ты посмотри на нее! Посмотрел? Нет в ней ничего этого! Ни капельки нет! Все. – Она устало опустила на лавку и продолжила уже спокойно: – Помог мне – за это спасибо. А дальше не лезь. Сама разберусь!

– Они придут. – Серафим перешел на громкий шепот, словно так сидящая в метре от него Стеша не сможет его услышать. – Я слышал.

– Никто не придет! Ты плохо слушал. С голодухи или от усталости.

– Я хорошо слушал! – Серафим встал из-за стола. – Она почувяла.

– Не могла она ничего почувять! Спит она еще. – Баба Марфа покачала головой.

– Не спит. Ты сама знаешь, что просыпается.

– Кто? – спросила Стеша. – Про кого вы сейчас говорите? Кого вы там слушали?

– Не твоего ума дело, – цыкнула на нее баба Марфа, но не зло, а как-то безнадежно-устало.

– Вы к кому ходили? С кем разговаривали?

– Мы не разговаривали. – Серафим попятился к двери. – Мы слушали.

– Кого?

– В следующий раз я вырежу тебе змейку.

– Не нужна ей змейка! – Баба Марфа погрозила ему пальцем. – Домой ступай, пока светло!

– А мне нестрашно. – Серафим пожал плечами. – Меня они не тронут. Ты же знаешь, тетушка.

– Они, может, не тронут. А вот я сейчас точно розгами отхожу!

Баба Марфа многозначительно посмотрела в угол, где стояла прислоненная к стене метла. Та самая, которой она разметала останки несчастного снеговика. Прутья этой метлы могли запросто сойти за розги. Ведь и в самом деле похожи! И с бабы Марфы становится: нет у нее ни души, ни сердца!

– Все равно уже поздно, – сказал Серафим и улыбнулся печальной улыбкой.

– Не поздно! Чужого не брала, своего не отдавала!

Баба Марфа испытующе посмотрела на Стешу. И под взглядом ее по-цыгански черных глаз Стеша поежилась. Ноги, уже почти согревшиеся в толстых шерстяных носках, снова закололо тысячей ледяных иголок, а по спине скатилась капля пота.

Глупости это все! Глупости и мракобесие! Сидят тут в своем болоте, словно сычи, света белого не видят, про цивилизацию слыхом не слыхивали! Дремущие люди! Как жаль, что им с Катюшей больше некуда деваться! Потому что дремучесть и суеверия, похоже, заразны,

как ветрянка. Потому что нужно быть очень рациональной и очень здравомыслящей, чтобы не заразиться этой болотной гнилью. Чтобы остаться в своем уме.

Баба Марфа вышла на крыльцо вслед за Серафимом, а Стеша осталась в доме, наблюдала за происходящим из окна. Серафим шагал широко, смешно и неуклюже вскидывая ноги. Совсем как аист. Стеша видела аистов в далеком детстве, мама показывала. От мыслей о маме снова зануло в груди. Стеша отошла от окна, села обратно на стул. Баба Марфа вернулась не сразу: какое-то время она стояла на крылечке, то ли наблюдая за Серафимом, то ли обдумывая какие-то свои мысли.

Ужинали молча. Катюша играла со своей птичкой. Стеша ничего не спрашивала. Баба Марфа ничего не рассказывала. А ночью пришли незваные гости...

В дубовую дверь ударили с такой силой, что она содрогнулась. Стеша испуганно взвизгнула и отскочила в сторону. Сердце билось в груди часто и испуганно. А еще громко. Так громко, что стук его наверняка был слышен с той стороны.

– Кто это, бабушка? – спросила она сдавленным шепотом. – Это немцы? Они же сейчас выломают дверь!

– Не выломают. Отойди!

Баба Марфа метнулась к кладовке, а через пару секунд вернулась с каким-то непонятным белым предметом в руках. Оттолкнув Стешу к себе за спину, она насадила предмет на вбитый в дубовую доску крюк. В этот самый момент стук прекратился, а звериный вой усилился. Или это был не звериный вой? Может быть, так странно и страшно завывал ветер?

Стеша стояла, прижав ладони к груди, стараясь унять биение сердца, вслушиваясь в доносящиеся извне звуки. Звуков больше не было: ни стука, ни воя. Все затихло.

– Они ушли?

Зачем им было уходить, когда можно было просто разбить окно?! Разбить окно, выломать раму, пробраться внутрь. Или просто поджечь дом и выкурить их, как лис из норы. Старую лису, молодую и маленького лисенка.

Дым уже заползал в щель под дверью, заворачивался серыми змеями вокруг босых Стешиных ног. Запахло гарью. Вот и все...

– Бабушка, что нам делать? – Стеша обернулась к бабе Марфе.

Та ничего не ответила. Она смотрела прямо перед собой и что-то едва слышно шептала. Молитву? Заговор?

Нельзя стоять вот так! Нужно что-то делать! Нужно убедиться, что с Катюшей все в порядке, что она не проснулась и не испугалась. Стеша на цыпочках вернулась в комнату.

Катюша спала в той же позе, свернувшись калачиком и, как в кокон, завернувшись в жаркое ватное одеяло. Стеша вздохнула с облегчением, погладила сестру по голове. А потом не выдержала, подошла к окну, осторожно отдернула занавеску.

С той стороны стоял человек. Он стоял очень близко к окну: казалось, что их со Стешей не разделяет даже тонкая и ненадежная преграда из стекла. Стоял и смотрел. Нет! Он не мог смотреть! Не было у него глаз! Вместо глаз у него были черные дыры. А на дне этих дыр тлели уголья, и серый дым просачивался из них наружу, клубился вокруг лысой головы, вырывался вместе с языками пламени из раззявленного в немом крике рта.

Стеша бы тоже закричала: заорала в голос, отползла в самый дальний угол! Если бы была одна. Если бы Катюша не спала всего в нескольких метрах от нее. Вместо этого Стеша схватила со стола складной ножик. Тот самый, которым хвастался Серафим. Ножик удобно и успокаивающе лег в ладонь. Стало вдруг совершенно ясно, что им можно вырезать не только деревянных птичек, но и черные, обуглившиеся до головешек сердца незваных гостей. Пусть только сунутся! Пусть только посмеют обидеть Катюшу!

Стеша вернулась к окну, замахнулась. Существо с той стороны склонило лысую голову к плечу, сложило губы в хоботок и стало похоже на мерзкую огнедышащую пиявку.

– Мы за тобой... – На стекле распласталась узкая ладонь. Выгоревшая до кости плоть, почерневшие ногти. – Впусти...

Мы? Сколько же их там?! Стеша заставила себя смотреть. Заставила себя быть бесстрашной. Черные силуэты, рыжие искры, столбы дыма, взмывающие к звездному небу. Шесть. Или семь. Или все-таки восемь? Да какая разница?! Ей не справиться даже с одним.

– Мы с подарочком...

И голоса у них, словно треск костра: то ли произносят слова, то ли ей просто чудится.

– Вон пошли! – сказала Стеша. Или только хотела сказать, но не хватило сил? – Не нужны мне ваши... подарочки!

– Подарочек... – повторило существо. И беззубый рот сложился в подобие улыбки.

Существо поднесло к стеклу вторую руку, такую же обугленную, с проступающими сквозь ошметки плоти белыми фаланговыми костями. В скрюченных пальцах, словно в стальных тисках, трепыхался заяц. Он беспомощно сучил лапками, изворачивался и стонал. Стеша тоже застонала, потому что по белому заячьему пузу стекала черная струйка крови.

– Бери подарочек! Бери! И пойдем с нами...

Заяц закричал отчаянно и обреченно, когда черный коготь воткнулся в его мягкий живот, когда мех на животе вспыхнул белым пламенем и тут же просыпался пеплом.

Стеша заставила себя молчать. Было трудно, почти невыносимо. Чтобы справиться с хлынувшим с той стороны ужасом, пришлось зажать рот рукой, а для надежности еще до крови впиться зубами в ладонь. Кто-то толкнул ее в спину с такой силой, что она едва не свалилась с ног. Баба Марфа решительным шагом подошла к окну, потянула шпингалет.

– Нет! – прохрипела Стеша. – Они же...

– Отойди! – Голос старухи звучал почти так же, как голос ночного гостя: треск ломающихся в лесном костре веток. Или треск ломающихся костей? Сначала малоберцовой, потом большеберцовой, потом бедренной...

Стешу замутило. Нож Серафима, который она все это время сжимала в руке, упал к ее босым ногам. Потянуло холодом от открытого окна. Баба Марфа скинула на пол горшок с каким-то чахлым цветком и грудью легла на подоконник, почти наполовину высунувшись наружу. Теперь между ней и чудовищем не было никакой преграды, пусть даже и такой ненадежной как стекло. Теперь они смотрели друг на друга в упор. Оба черноглазые, оба яростные, оба смертельно опасные.

– Прочь, – проскрежетала баба Марфа, а потом неуловимо быстрым движением плеснула что-то в лицо чудовищу.

В первое мгновение ничего не происходило, а потом существо закричало так мучительно и душераздирающе, что Стеше теперь захотелось закрыть не только рот, но и уши. А в следующий момент ей захотелось закрыть и глаза. Потому что прямо перед ней происходила чудовищная и одновременно невероятная метаморфоза. Обратный, совершенно чуждый законам природы процесс. Каркас из обуглившихся костей и ошметков кожи вдруг начал обрывать плотью. Мертвое и полуживое обросло живым: мышцами, сухожилиями, хрящами, кровеносными сосудами, нервными стволами, кожей, волосами, зубами, щетиной. На месте черных дымных провалов появились глазные яблоки. Глаза существа – или теперь уже человека? – бешено вращались в глазницах, радужка наливалась цветом, а белки – кровью. Человеку было больно, мучительно больно. Как если бы с него сдирали кожу, но наоборот. Стешу замутило, в ушах зашумело, но она заставила себя смотреть и слушать.

Мужчина перестал корчиться, уставился ярко-синими глазами прямо перед собой, провел указательным пальцем по запавшей, поросшей щетиной щеке и заговорил почти нормальным, почти человеческим голосом:

– Ну, здравствуй.

– Здравствуй.

Баба Марфа всматривалась в лицо мужчины с выражением какой-то мучительной требовательности.

– Вот и свиделись, Маша...

– Вот и свиделись...

Баба Марфа вдруг сдернула с головы платок. Длинные волосы ее были цвета воронова крыла: ни единого седого волоска. Белизны этому угольно-черному добавляли лишь падающие с ночного неба снежинки.

– Не знала, что придешь ты, – сказала она с какой-то непонятной тоской.

– Я тоже не знал, что приду я, – усмехнулся мужчина. – Впустишь?

На мгновение Стеше показалось, что впустил, распахнет настежь сначала окошко, а потом и дубовую дверь. Заходите, гости дорогие! Заносите свои подарочки!

– Нет, – сказала баба Марфа. И у Стешки от сердца отлегло.

– Понимаю. – Человек кивнул.

– Сама к тебе выйду. Отгонишь свору?

– Отгоню.

Он обернулся, и темнота за его спиной вспыхнула дюжиной желтых огоньков. Глаза. Это были те самые звериные глаза, которые Стеша уже видела в болотном лабиринте.

– И остальные пусть уходят. – Баба Марфа утерла лицо платком, а потом снова повязала его на голову. Движения ее были резкими, руки дрожали.

– Тебе ли их бояться... – Мужчина отступил от окна.

– Вы ж не за мной пришли. – Баба Марфа тоже отступила от окна, обернулась к Стеше, велела: – Окно закрой и дверь за мной запири. До рассвета никому не открывай.

– Вы пойдете туда? К этому... чудовищу?

– До рассвета дверь не открывай!

– И вам?

– И мне. – Баба Марфа помолчала, а потом добавила: – Если до рассвета приду, даже если проситься стану, не отпирай.

– Но как же... – Не было у Стешки ни правильных слов, ни правильных вопросов. Только одного она сейчас хотела больше всего: чтобы баба Марфа осталась, чтобы не уходила с этим... существом. – Не надо.

– Закрой рот, окно и дверь, – сказала баба Марфа, глядя сквозь нее. – Ложись спать. На рассвете я вернусь.

– А если не вернешься? – Наверное, это был неправильный вопрос. Неправильный и страшный. Но баба Марфа все равно на него ответила:

– А если не вернусь, забирай малую и уезжай.

– Куда? – спросила Стеша растерянно.

– Куда хочешь. – Баба Марфа пожала плечами, надела валенки, набросила на плечи полушубок и вышла в ночь.

Стеша тут же метнулась к двери, задвинула железный засов, прижалась лбом к шершавой дубовой доске. Висок черкнуло что-то острое. Она отшатнулась, посмотрела на предмет, насаженный на гвоздь.

Это был череп. Чей? Слава богу, не человеческий. Стеше показалось, что ящерицы или змеи. Но откуда в этих болотах взяться такой большой ящерице или такой большой змее? Череп, висящий на гвозде, был размером с коровий. Он наблюдал за Стешей черными провалами глазниц, и ей казалось, что там, на дне этих костяных ям, теплится желтый огонек. Мерзость и ужас! Ей захотелось сорвать череп с гвоздя, вышвырнуть за дверь, но она не решилась. От одной только мысли, что придется взять его в руки, стало дурно. Она отступила от двери, сделала глубокий вдох, прислушалась. С той стороны больше не доносилось ни

звука: ни похожих на треск огня голосов, ни звериного воя – ничего. Дымом тоже больше не пахло. Из-под двери тянуло лишь холодом и сыростью.

Стеша вернулась в комнату, убедилась, что сестра крепко спит, проверила, надежно ли заперты все окна, собрала с пола черепки от горшка, подмела землю. В черных комьях белело что-то круглое, похожее на камень. Стеша чуть не взвизгнула, когда взяла это в руки. Снова змеиный череп, только маленький, очень маленький.

Часы показывали три ночи. Самая темная, самая опасная пора, когда и за окном тьма, и в душе. Стеша надела шерстяные носки, присела к столу. Она не будет спать до самого рассвета. Она будет сторожить дом и оберегать покой Катюши до возвращения бабы Марфы. Ведь баба Марфа вернется, с ней ничего не может случиться там, в этой стылой и страшной ночи.

Глава 4

Тот двухметровый детинушка с купеческой бороденью не понравился Аресу с первого взгляда. Добровольно Арес никогда бы в этом не признался, но самцов крупнее и выше себя он сразу же относил к стану врагов. К слову сказать, таких было немного. Арес и сам был парнишкой немаленьким, с мышцами, прокачанными не только в качалке железом, но и в «полях» лопатой. Но рядом с бородатым он чувствовал себя мелким и никчемным.

А ведь мужик не сказал и не сделал ему ничего плохого! Отнюдь! Он единственный из всех посетителей аукциона заинтересовался товаром Ареса. Даже купил фляжку. Даже попытался заплатить за нее вдвое больше заявленного. При других обстоятельствах Арес не стал бы артачиться и становиться в позу. Деньги никогда не бывают лишними. Особенно если деньги сами плывут тебе в руки! Но бородатый умудрился вызвать в душе Ареса смешанные чувства раздражения, легкой зависти и непонятого уважения. Держался он просто, одет был еще проще, но взгляд... Он смотрел на Ареса с вежливым равнодушием. Пройдет всего пару минут, и он не вспомнит, как выглядел парень, продавший ему фляжку. Мозг его отформатируется: сотрет из памяти все лишнее, оставит лишь самое главное. Арес явно был лишним. Наверное, именно поэтому он и сунул мужику свою визитку. Чтобы форматирование не прошло слишком гладко, чтобы на память о нем осталось хоть что-нибудь. Хоть вот этот кусочек картона.

Над дизайном визитки Арес колдовал лично. Черный фон, красные буквы и схематичный рисунок заключенной в круг хищной птицы. Как говорится: кто знает, тот поймет, а кто дурак, того уже ничто не исправит. Визитка выглядела стильно, Аресу она нравилась, а потенциальных клиентов, по его мнению, должна была впечатлить своей глубиной и лаконичностью. На нелегальном аукционе, посвященном Великой Отечественной войне, таковых должно было найтись немало. А нашелся всего один. Да и тот, не глядя, сунул визитку в карман.

Итоги аукциона стали для Ареса неутешительными. Всего одна проданная вещь. Всего два посетителя, проявившие хоть какой-то интерес к его товару. Или все-таки один? Старикана профессорской внешности в расчет можно было не брать. Но старикан был забавный, разбирался в истории и даже прочел бородатому краткую лекцию. Арес отличался острым слухом, поэтому кое-что из лекции услышал. Старикан заслуживал уважения уже самим фактом любви к истории. В отличие от бородатого, которому настоящая армейская фляга времен Великой Отечественной была нужна лишь в качестве трофея. Эту флягу он собирался брать с собой на охоту или рыбалку.

Словом, первый блин вышел комом: дебют Ареса на одном из серьезнейших теневых аукционов провалился. Дадут ли ему второй шанс? Большой вопрос! Хотелось бы ему получить этот второй шанс? Конечно, хотелось бы! Но пока в жизни Ареса намечался застой. Он очень надеялся, что временный, потому что рытье могил на городском кладбище было занятием скучным, хоть и позволявшим ему поддерживать себя в приличной физической форме.

Бородатый позвонил ему ровно через три дня после аукциона. Арес как раз закончил копать очередную могилу и попивал минералку в тени старой березы, которую администрация кладбища грозилась спилить из-за раскинувшихся на немалое расстояние корней. Корни поднимали плиты ближайшего захоронения, и родственники усопшего предъявляли администрации претензии. Да и «гуляющая» в самом центре кладбища земля – непростительная роскошь по нынешним временам. Арес подозревал, что березу спилят ровно в тот момент, когда найдется достаточно щедрый и достаточно амбициозный клиент, желающий застолбить участок под собственные загробные нужды. А пока директор вяло отбrehивался и энергично строчил отписки на жалобы и претензии.

Мобильный зазвонил неприлично громко. И Ильич, напарник Ареса, дочерна загоревший и насквозь пропитавшийся алкоголем, неодобрительно покачал головой и так же неодобрительно проворчал:

– Трубкуними, молодой! Не буди народ!

Народ на кладбище давно уже спал вечным сном, и такие мелочи, как трель мобильного, навредить ему никак не могли. Арес скосил взгляд на экран смартфона. «Номер не определен». Ну а раз не определен, то и нафиг надо! Порядочные люди свои номера не прячут, а общаться с непорядочными в этот жаркий июльский день Арес был не настроен.

Мобильный поорал еще секунд двадцать и затих. О звонившем Арес забыл почти тут же. Его мозг тоже прекрасно умел форматироваться.

Смена закончилась в четвертом часу. Времени у Ареса было достаточно, чтобы смотаться домой, принять душ и переодеться перед выходом в свет. Вечер пятницы он собирался провести в «Тоске» – местечке в равной степени пафосном, унылом и привлекательном. Арес не мог считать себя завсегдатаем «Тоски» и с Жертвой, ее бессменным хозяином, не ручкался, но пару раз в месяц захаживал. В «Тоске» собиралась весьма разномастная публика, той или иной степени респектабельность, но на памяти Ареса никаких разборок в баре не случалось. Зато была атмосфера! Именно за атмосферу – уныло-нуарную, нарочито-мрачную, утонченно-депрессивную, «Тоску» и жаловала почтенная публика. Аресу атмосфера тоже неожиданно «зашла». Ему не очень нравился средний чек этого заведения, но за атмосферу приходилось платить. У Жертвы получалось делать деньги даже из воздуха. Вот из этого тяжелого, пахнущего сигарами, благовониями и солеными огурцами воздуха.

Каждый раз Арес садился за свой любимый столик в уютной темноте, разгоняемой лишь красным светом стилизованной под факел лампы, подальше от сцены, на которой частенько завывало или билось в корчах очередное молодое дарование. Дарований прикармливал Жертва. Он считал себя серым кардиналом и крестным отцом непонятых и непринятых миром музыкантов, актеров и художников, а еще продюсером странных перформансов, случавшихся в «Тоске» с убийственной регулярностью.

Сегодня в подвале было тихо. Вместо очередного дарования на сцене стояла тренога с закрепленной на ней картинкой. Картинка была в равной степени забавной и непонятной. То ли свет был выставлен так удачно, то ли Арес хлебнул лишнего, но в крупных и хаотичных мазках можно было рассмотреть всякое. Все зависело от того, под каким углом смотреть. И публика подхлдила и смотрела! Удивленно и восхищенно цокала языком, даже приседала на корточки, чтобы изменить угол наклона и насладиться чем-то доселе неведомым. Арес присесть не стал, но картину рассмотрел со всех сторон. Даже подпись художника изучил. Подпись пряталась в мешанине мазков, и заметить ее получилось далеко не сразу. Подпись была такой же забавной, как и сама картина. Феникс сизокрылый – вот так затейливо обозвал себя неведомый художник.

Официантка, мрачная тетка с лицом наемного убийцы и бицепсами армрестлера, прорычала на ухо Аресу, что «эту мазню» сегодня продадут на аукционе. Официантка к Аресу благоволила, поэтому рычала не слишком громко, чтобы он ненароком не оглох. Значит, еще один аукцион. На сей раз не подпольный, а вполне себе легальный. Арес вдруг поймал себя на мысли, что хотел бы заполучить «эту мазню» в личное пользование, хоть раз поучаствовать в аукционе на стороне покупателей, а не продавцов. Он порылся в карманах джинсов, пересчитал имеющуюся наличность. Наличности было меньше, чем хотелось бы, но чем черт не шутит? Вдруг он окажется единственным покупателем!

С аукционом Арес просчитался. Мазня ушла за полторы тысячи зеленых. Куда ему с его сотней! Настроение, до этого благостное и приподнятое, враз испортилось. Какая-то неведомая сизокрылая птица-феникс одним лишь взмахом крыла заработала столько, сколько Аресу было не заработать и за пару месяцев раскопок. Вот такая ерунда.

С горя и от внезапно нахлынувшей тоски Арес заказал графин фирменного самогона. Самогон Жертва гнал лично. Подавался тот с солеными огурчиками и стоил непростительно дорого. Но Аресу было все равно. Деньги, которые не вышло потратить на мазню Феникса сизокрылого, он теперь с мрачным остервенением тратил на крафтовый самогон с огурцами.

Ополовиненный хрустальный штоф наводил Ареса на философские мысли о стакане, который наполовину пуст, и собственной неприкаянности. Именно в этот момент горькой кручины кто-то легонько тронул его за плечо, а потом спросил:

– Я присяду?

Арес дернул плечом, вместе со стулом отодвинулся от стола и лишь после этого обернулся. За его спиной стоял тот самый бородатый детинушка с аукциона. Выражение лица его было вежливо-невозмутимым, и Аресу отчего-то подумалось, что его вопрос – это чистая формальность, что не нужно ему никакое разрешение, чтобы усесться напротив.

– Ну, давай! – сказал Арес с вызовом.

На «ты» он перешел не без злого умысла: давал понять, что в «Тоске» они на равных, что китайские церемонии закончились вместе с аукционом.

– Спасибо. – Бородатый уселся напротив, окинул задумчивым взглядом штоф с самогоном.

– Угощайся! – сказал Арес. Этим поганым вечером он решил быть великодушным. – Фирменное пойло хозяина.

Почти в то же мгновение возле их стола материализовался и сам хозяин. Это было настолько неожиданно и настолько нетривиально, что Арес потерял дар речи. Пока он приходил в себя, Жертва поздоровался с бородачом за руку, как с давним знакомым, спросил:

– Как обычно?

– Мне, как молодому человеку. – Бородач кивнул на штоф с самогоном. – И организуй нам, пожалуйста, что-нибудь из закуски.

– Закусить или покушать? – деловито поинтересовался Жертва.

– Покушать, – сказал бородатый. – Я полдня на ногах. Голодный как волк.

– Арес? – Жертва вопросительно посмотрел на Ареса, и тот охренел еще больше. Оказывается, легендарный хозяин легендарной «Тоски» знает, как его зовут! – Ужинать будем?

– За чей счет банкет? – Арес мысленно прикинул, сумеет ли расплатиться за ужин.

– За счет заведения, – сказал Жертва с какой-то мрачной решимостью в голосе. – Банкет за счет заведения!

Арес едва удержался, чтобы не присвистнуть. Он слышал множество историй о невероятной прижимистости Жертвы, но ни одной о его щедрости. Даже интересно, что подадут им на ужин. Три корочки хлеба?

Ответить Арес не успел. Жертва уже снова переключился на бородатого.

– Ты опоздал, – сказал он с мягким укором. – Улетел наш Феникс сизокрылый. Крыльшками бяк-бяк-бяк! – Он взмахнул длинными руками, а потом закончил трагическим шепотом: – Всего за полторы тысячи. Если бы ты явился вовремя, ставки были бы выше.

– Мог бы придержать до моего появления, – сказал бородач с широкой ухмылкой.

– Не мог. – Жертва скрестил руки на груди. – Я человек слова!

Он постоял еще пару секунд со скорбным лицом, а потом растворился в темноте, словно призрак.

– Я Стэф, – сказал бородатый и протянул руку.

– А я Арес.

Рукопожатие у бородатого было крепкое, а ладонь мозолистая, словно это он, а не Арес подвизался на лето копателем могил.

– Я купил флягу.

– Помню.

– Мне понравилась покупка.

– Рад за тебя.

Арес пока не знал, к чему этот разговор, но чутье подсказывало, что намечается что-то весьма интересное и вполне возможно, этот вечер закончится не так печально, как думалось.

– Мне нужно знать, где ты ее нашел.

Вот так. Никаких тебе: скажи мне, Арес, пожалуйста! Будь так любезен! А сразу в лоб: мне нужно знать! Арес скрежетнул зубами, растянул губы в презрительной усмешке.

– Где взял, там уже нет, – с вызовом сказал он и разлил крафтовый самогон по рюмкам. Одну осушил залпом, вторую придвинул к Стэфу.

– А что есть?

Стэф опрокинул в себя самогон. Почти в ту же секунду возле их столика нарисовался Жертва с подносом в руках. Еще через пару секунд перед ними стояли тарелки с жареной картошкой, жареными лисичками и жареным мясом. На отдельной тарелке лежали легендарные соленые огурчики. У Ареса громко заурчало в животе. У Стэфа, кажется, тоже. Они переглянулись. Эта по-мужски незатейливая реакция на хорошую еду стала первым шагом к поиску консенсуса.

– Да так, разное, по мелочи, – сказал Арес уклончиво и уткнулся в тарелку.

Мясо было чертовски вкусное, а картошка словно из детства: идеальный баланс жареного лука, сметанки и грибочков. Он наслаждался ужином и обдумывал свои дальнейшие ходы. Стэф терпеливо ждал.

– Гимнастерка шерстяная образца сорок третьего года, – начал Арес. – Состояние, правда, хреновое. Алюминиевая кружка – состояние сносное. Мельхиоровая пряжка рейхсвера – состояние почти идеальное. Что из этого богатства тебя интересует?

– Меня интересует место, где ты нашел флягу, – сказал Стэф, разрезая свой кусок мяса. – И те предметы, которые были рядом с ней.

– Инфа без гимнастерки, кружки и пряжки не продается. – Арес разлил остатки самогона по рюмкам, с вызовом глянул на собеседника.

– Сколько? – спросил тот.

– Я хотел купить мазню, – сказал Арес мечтательно.

– Мазню? – Стэф приподнял брови.

– Картину Феникса сизокрылого. Ну, ту, где не пойми что, но все равно круто.

– И? – Стэф смотрел выжидающе. Кажется, он никак не мог уловить ход мыслей Ареса.

– И ту картину купили за полтора косаря. Зеленых, разумеется!

– И ты хочешь полтора косаря зеленых за истлевшую гимнастерку, алюминиевую кружку и мельхиоровую пряжку?

В голосе Стэфа не было ни возмущения, ни злости, ни удивления. Он словно прикидывал что-то в уме. А может, просто охренел от этакой наглости. Но Арес твердо вознамерился закончить этот день победителем. Если не получить бабла, так хотя бы покуражиться.

– Хорошо, – наконец сказал Стэф. – По рукам!

Они чокнулись рюмками: Стэф твердо и уверенно, Арес ошалело.

– Я куплю у тебя все перечисленное. А ты расскажешь мне, где нашел флягу.

И далась ему эта фляга! Понятно, что вещица на удивление хорошо сохранилась. Понятно, что таким трофеем не грех похвастаться перед друзьями. Но платить полторы тысячи баксов за инфу о том, где ее нашли?

– Не расскажу. – Арес осушил рюмку. В голове шумело и перекатывалось. То ли кровь, то ли крафтовый самогон.

– Почему? – Стэф выпил свой самогон, сунул в рот огурчик. – Разве мы не договорились? – Его голос по-прежнему звучал ровно, но Аресу все же почудился звон металла.

– Мы договорились, что я предоставлю тебе информацию. И я не отказываюсь от своих слов. Но я не расскажу тебе, а покажу!

– Покажешь? – Кажется, ему удалось-таки удивить этого невозмутимого и непрошибаемого мужика.

– Там такое место... Описывать его бессмысленно, все равно не найдешь.

– Координаты?

– Да не доберешься ты туда по координатам! Это охрененная глухомань!

– Насколько охрененная?

– Болота и топи, люди дремучие, комары огромные. Вот насколько охрененная!

– И ты готов сопроводить меня в эту болотную глухомань?

– За умеренную плату. – Арес затаил дыхание. Он пошел ва-банк. Теперь точно или пан, или пропал! Сейчас Стэф пошлет его к такой-то матери и конец всем планам!

– Насколько умеренную? – Стэф не послал. Он снова явно что-то просчитывал в уме.

– Я работаю на кладбище. – Арес начал издали.

– Все профессии важны. – Стэф кивнул.

– Копаю могилы в свободное от учебы и хобби время. Хобби мое, как ты заметил, бабла приносит не особо много.

– Уже принесло полторы тысячи долларов. – Стэф задумался и добавил: – И еще пятьдесят за флягу.

– А работа на кладбище приносит мне пятьсот в месяц плюс чаевые.

– Чаевые? – Кажется, Аресу снова удалось его удивить.

– Ну, крест на могилке поправить, веночки разложить по фэн-шую. Еще кое-что по мелочи.

– И сколько у тебя выходит с чаевыми?

– Семьсот, – признался Арес. – Максимум.

– То есть, за семьсот баксов ты согласен сопроводить меня в болотную глухомань?

– Дорожные расходы за твой счет.

– Договорились. – Стэф огладил свою бородень. Жест этот сделал его похожим на попа.

Арес едва удержался от улыбки. – Выезжаем завтра утром.

– То есть? – Вот и пришла пора Ареса удивляться.

– Завтра в пять утра я буду у тебя. Назови свой адрес.

– И ты не хочешь спросить, как далеко нам нужно ехать?

– По пути разберемся.

Стэф вытащил из кармана бумажник, отсчитал деньги, придвинул к Аресу.

– Здесь две с половиной тысячи. Триста – компенсация морального вреда.

– Нет у меня никакого вреда, – пробормотал Арес, засовывая баксы во внутренний карман джинсовки. – Завтра в пять буду как штык!

Глава 5

Из дремы Стешу выдернул стук в дверь. Она вскинулась, затрясла головой, пытаясь понять, где она и что происходит, пытаясь вернуть сознанию хоть какую-то ясность. Стук повторился. Стеша посмотрела на настенные часы. Четверть шестого. Можно считать это время рассветным?

Она встала из-за стола, прокралась в сени, замерла у двери, прислушалась. С той стороны больше не доносилось ни звука, и Стеше начало казаться, что ей все приснилось. Она уже собиралась отойти от двери, когда услышала слабый стон.

– Бабушка? – Стеша прижалась ухом к двери. – Бабушка, это вы?

– Открой, – послышалось с той стороны.

Голос был такой, что не понять, баба Марфа это или кто-то из тех, других. Стеша затаила дыхание.

– Это я. Открывай, Стэффа!

Голос сделался чуть громче, а интонация, с которой произнесли ее имя, не оставляла никаких сомнений. Да и Стэффой ее звала только баба Марфа. Родители и Катюша всегда называли ее Стешей, а преподаватели в мединституте – полным именем. Стефания. Но сейчас это было совершенно не важно! Дрожащими руками, стараясь не коснуться висящего на двери черепа, Стеша отодвинула засов и приоткрыла дверь.

Баба Марфа сидела на крыльце, привалившись спиной к стене. От нее пахло гарью, а от полушубка поднимались струйки дыма, как от того страшного существа... Стеша вздрогнула, попыталась закрыть дверь.

– Это я, Стэффа! – сказала баба Марфа ворчливо. – Не бойся, уже утро.

Стеша боялась, но не за себя, а за Катюшу. Не могла она рисковать жизнью сестры. Но и бросить старого человека на морозе она тоже не могла.

– От вас идет дым, – сказала она шепотом.

– Ночь с угарниками провела. Чему удивляться?

– Угарниками?

– Помогите встать, Стэффа. Сил никаких нет.

Стеша выскользнула на крыльцо, подхватила бабу Марфу за подмышки. Та, несмотря на преклонный возраст, была старухой крепкой и высокой, на голову выше самой Стешы. Вблизи дымный запах, исходивший от ее одежды, сделался еще сильнее. От него заслезилась глаза и запершило в горле.

– Дверь запри, – велела баба Марфа, как только они оказались в сенях.

Пока Стеша возилась с засовом, она сбросила полушубок прямо на пол, потопталась по нему валенками, словно сбивая огонь. Если от полушубка пахло гарью, то от валенок – мокрой псиной. И следы от них на полу тоже оставались мокрые. Словно баба Марфа провалилась по колено в воду. Точно так же, как совсем недавно сама Стеша.

В комнате старуха без сил опустилась на стул и сказала без всякого выражения:

– Помогите раздеться.

Выглядела она ужасно. Выбившиеся из-под платка волосы казались седыми из-за припорошившего их пепла. Изрезанное морщинами лицо сделалось землистого цвета, глаза и щеки ввалились, руки подрагивали.

Стеша стащила с нее сначала один насквозь промокший валенок, потом второй, приткнула их к печному боку. Помогла снять вязаную кофту, попыталась надеть на искореженные артритом стопы шерстяные носки, но баба Марфа отказалась.

– В кладовой на полке кувшин, – сказала она едва слышимым, но привычно сварливым голосом. – Принеси мне.

Стеша метнулась в кладовку, схватила с полки глиняный кувшин, вернулась обратно в комнату. В кувшине хранилась какая-то остро пахнущая трава. Баба Марфа высыпала горсть в большую чашку, велела:

– Кипятку плесни!

Стеша вытащила из печи горшок, залила траву кипятком, придвинула чашку к старухе, сама уселась напротив.

– Где вы были? – спросила шепотом.

– На болоте. – Старуха бросила на нее мрачный взгляд.

– Кто эти... существа? – Назвать ночных гостей людьми не поворачивался язык. – Кто они такие? Зачем они приходили?

– Кто? – Баба Марфа обхватила обеими руками чашку, вдохнула исходящий от нее пар. – Это угарники.

– Кто такие угарники?

– Нежить.

– Как это нежить? – Стеша одновременно верила и не верила сказанному. С одной стороны, как можно верить в подобные деревенские сказки? А с другой – она все видела собственными глазами!

– Нежить – это когда не живое и не до конца мертвое. – Баба Марфа сделала большой глоток кипятку и даже не поморщилась. Точно так же пил ее чай Серафим.

– А они... оно было неживое?

Стеша уселась напротив старухи, обхватила себя руками за плечи. Ее знобило то ли от холода, то ли от пережитого ужаса.

– Устала я, – сказала баба Марфа бесцветным голосом. – Устала и замерзла. На печь полезь. Отдохнуть мне надо. И ты иди спать.

– Я не хочу спать! – почти выкрикнула Стеша и тут же прикрыла себе рот рукой. – Я хочу знать, что произошло сегодня ночью. Это были... какие-то галлюцинации? Вы что-то подсыпаете в этот ваш чай, да? Вы меня опоили?

– Иди спать, – повторила баба Марфа едва слышно.

– Зачем все это? Что вы делаете? – спросила Стеша так же едва слышно.

– Что я делаю?

– Вы пытаетесь заставить меня поверить во все это... – Она запнулась, подбирая правильное слово. – Мракобесие! Вы хотите, чтобы мы с Катюшей ушли, да? Так и скажите прямо! Зачем все это?

– Я хочу, чтобы вы ушли.

Стеша почти до крови прикусила губу, отодвинулась от старухи как можно дальше. Теперь, когда все предельно ясно, нужно собраться с силами и решить, как им действовать дальше. Нет, как ей действовать дальше, потому что вся ответственность теперь лежит только на ее плечах.

– Я хочу, чтобы вы ушли, – повторила старуха усталым шепотом. – Но, боюсь, теперь уже поздно.

– Почему поздно? – спросила Стеша, хотя всего мгновение назад дала себе зарок не разговаривать с бабой Марфой и быть сильной.

– Ты спрашивала, зачем они приходили.

– Это все не взаправду! Это какой-то морок! Галлюциноген в ваших чертовых травках!

– Они приходили за тобой, Стэффа. – Баба Марфа словно не слышала ни ее страха, ни ее обвинений. Баба Марфа словно бы разговаривала сама с собой, и монолог этот никто не смел остановить.

– Почему? – Стеша встала из-за стола, отошла к окну. Специально отошла, чтобы их с этой сумасшедшей старухой разделяло как можно большее расстояние. – Зачем я им?

– Зачем я как раз могу понять. – Баба Марфа допила свой отвар. – А вот почему... Ты мне скажи, Стэффа, почему они явились?

– Я?! – От возмущения Стеша потеряла дар речи. – Я должна обосновать вот эту... бесовщину?!

Она утратила самоконтроль и с шепота снова перешла на крик. Из-за двери, ведущей в спальню, послышался испуганный плач Катюши. Не говоря больше ни слова, Стеша бросилась к сестре.

Катюша сражалась с кем-то невидимым, пыталась выпростаться из тяжелого кокона, в которое превратилось одеяло, стонала и плакала во сне. Стеше понадобилось время, чтобы успокоить сестренку. Когда она вышла, наконец, из спальни, бабы Марфы за столом уже не было, лишь слабо колыхалась занавеска на печи. Стеша в растерянности постояла посреди комнаты, а потом вернулась в спальню, легла рядом с Катюшей и почти мгновенно провалилась в пахнущий гарью и наполненный треском огня сон.

Она проснулась так же внезапно, как и уснула. Открыла глаза, уставилась на подсвеченное солнцем окошко. Катюши рядом не было. Ватное одеяло лежало на полу. В затуманенное сном сознание медленно и неуклонно вползали ночные воспоминания. Или ночные галлюцинации. Стеша села в кровати так резко, что закружилась голова.

– Катя! Катюша! – позвала она, натягивая поверх ночной сорочки кофту.

Сестра нашлась в передней комнате, которая служила им одновременно и кухней, и столовой, и гостиной. Катюша сидела за столом, перед ней стояла тарелка с блинами и чашка молока. Деревянная птичка лежала тут же. Первый робкий луч мартовского солнца золотил ее резной бок. От сердца сразу отлегло, а ужасы минувшей ночи истаяли, как предрассветный туман. Подумалось вдруг, что все это ей просто приснилось. Не было никаких ночных гостей. Не было змеиного черепа на двери. Баба Марфа никуда не уходила и ни в чем не обвиняла Стешу.

– А где бабушка? – Стеша погладила Катюшу по голове.

После смерти мамы болтушка и хохотушка Катюша перестала разговаривать. Нет, она не онемела, но словно бы утратила интерес к словам, как будто ей больше нечего было сказать этому страшному и несправедливому миру. Стеша не пыталась ее разговорить, потому что понимала: всему свое время. Когда-нибудь ее младшая сестра примет случившееся и станет прежней. Стеше хотелось, чтобы это произошло как можно быстрее, поэтому она старалась вести себя так, словно ничего в их жизни не изменилось, словно баба Марфа – это не злая, совершенно чужая им старуха, а любимая бабушка. Ей хотелось, чтобы Катюша думала именно так. Надежды на то, что баба Марфа хоть когда-нибудь по-настоящему признает их своими родными внучками, лично у нее не было.

Хлопнула входная дверь, по босым ногам потянуло холодом. А через мгновение в избу вошла баба Марфа. Выглядела она обычно, насколько вообще может выглядеть обычно болотная ведьма. Она зыркнула на них с Катюшей недобрый взглядом, бухнула на табурет ведро с водой. Все это было бы почти привычно, почти нормально, если бы от бабы Марфы остро и до тошноты отчетливо не пахло гарью.

– Блины в печи, – сказала она, стаскивая с себя телогрейку. Полушубок с обгоревшим воротником лохматой и вонючей кучей до сих пор лежал у двери. – Чай можешь не пить. Не надо тебе рисковать.

И столько желчи было в ее словах, что Стеша от злости стиснула зубы.

– Я поью воды, – сказала она с вызовом.

– Попей. – Баба Марфа не смотрела в ее сторону. – А потом ступай к колодезю.

– Зачем? – Они разговаривали так, словно ночью не случилось ничего необычного, ничего страшного.

– Протопим баню, нужно помыться и постирать белье. Малая, ты почему еще не поела? – Баба Марфа строго посмотрела на Катюшу. Под ее взглядом Стеша сжалась, приготовилась к бою за сестру. Но Катюша нисколько не испугалась ни взгляда, ни строгости. Она улыбнулась старухе и придвинула поближе к себе тарелку с блинами.

– А ты чего стоишь? – спросила баба Марфа, переводя взгляд с Кати на Стешу. – Ждешь особого приглашения?

– Я сейчас. – Стеша натянула на ноги валенки, накинула полушубок. – Мне нужно... – Она не договорила, вышла в сени и замерла перед входной дверью.

В рассеянном, но достаточно ярком свете, проникающем внутрь сквозь узкое окошко, дверь была видна вполне отчетливо. На металлическом крюке уже не было никакого черепя. Тоже примерещилось? Стеша сделала глубокий вдох и толкнула дверь.

Снаружи было ярко и морозно. Весна еще только-только вступала в свои права, но уже было очевидно, что битву с зимой она выиграла. Было что-то такое особенное в звенящем воздухе, чем-то таким он пах! Нет, не гарью, а талой водой и сырой землей. Ароматы эти неожиданно оказались Стеше приятными и успокаивающими. Подхватив стоящее в сенях пустое ведро, она направилась к колодцу, но на полпути остановилась, обернулась. Отсюда не было видно окошка их с Катюшей спальни, а Стеше было важно удостовериться, убедиться в том, что случившееся минувшей ночью ей не привиделось. Или, наоборот, привиделось. Она поставила ведро на землю и направилась обратно к дому.

В первое мгновение Стеше показалось, что все хорошо, что нет причин для страха: снег под окошком был девственно-белый и пушистый. Можно было списать все на кошмар или галлюцинации и уйти, но Стеша пнула снежный сугроб носком валенка. Под девственно-белым оказалось черно-красное. Свернувшаяся заячья кровь прожгла в рыхлом мартовском снегу дыры почти до самой земли. Баба Марфа всего лишь присыпала это место свежим снегом, может быть, даже прошла по нему метлой. Замела следы. Зачем? Чтобы ничего не напоминало о событиях ночи? Чтобы Катюша не испугалась? Чтобы Стеша больше не задавала вопросов? Стеша попятилась, поскользнулась и едва не рухнула в сугроб.

До колодца она шла, не оборачиваясь. Хватит с нее! У нее есть дело, самое простое, хоть и не самое легкое. Она должна натаскать воды в баню. Баня у бабы Марфы была маленькая, приземистая. В крошечном предбаннике места хватало лишь на широкую лавку и прибитую к стене вешалку. Места в самой парной было немногим больше. Здесь сладко пахло сухими травами и смолой. Внутренность железного бака была начищена до зеркального блеска. На вбитых в стену гвоздях висели две шайки и несколько дубовых веников. Баня, казалось, все еще хранила тепло, хотя быть такого никак не могло.

К тому моменту, как Стеша наполнила бак водой, спина ее взмокла, а колкий мартовский воздух уже не морозил, а приятно освежал. Неожиданно для самой себя она поняла, что больше не боится, что рутинное и не самое легкое занятие вышибло из головы все дурные мысли. А еще очень захотелось есть.

Когда Стеша вернулась в дом, баба Марфа возилась у печи. Поверх черной юбки она повязала белый передник, волосы убрала под низко повязанный платок и со спины была похожа на самую обыкновенную деревенскую бабушку. К сожалению, только со спины.

– Управилась? – спросила она, не глядя на Стешу.

– Управилась. – Стеша стащила валенки, прижалась озябшими, покрасневшими от ледяной воды ладонями к печному боку.

– Садись завтракать, – сказала баба Марфа и ловким движением стряхнула блин с чугунной сковородки на стоящую на припёке тарелку.

– Спасибо. – Стеша забрала тарелку, присела к столу.

Через приоткрытую дверь она видела, как в спальне Катюша играет со своей деревянной птичкой. Наверное, самое время поговорить. Вот только с чего начать? Какой вопрос задать бабе Марфе? На какой вопрос она захочет ответить?

Начинать не пришлось. Баба Марфа села напротив, уставилась на Стешу тяжелым взглядом своих черных цыганских глаз. У мамы и у самой Стеши глаза были зеленого цвета, у Катюши – светло-карие. Вот такой непроницаемой угольной радужки не было ни у кого в их семье.

– Где твой платок? – спросила баба Марфа.

– Какой платок? – Сердце похолодело и стало биться в разы быстрее. – У меня несколько платков.

На самом деле платок был только один, и теперь Стеша надевала шерстяной берет или и вовсе ходила с непокрытой головой. Весна ведь!

– Тот красный платок, в котором ты приехала.

– А почему вы спрашиваете?

Ей был неприятен этот допрос. Было что-то странное в том, каким тоном баба Марфа его вела, и в том, каким взглядом на нее смотрела.

– Где платок? – процедила баба Марфа и стукнула ладонью по столу с такой силой, что Стеша от неожиданности уронила вилку. Та с тихим бряцаньем упала на пол. Пришлось лезть за ней под стол. Это дало Стеше время прийти в себя и собраться с силами для отпора.

– Я его потеряла. – Сказала она, выныривая с вилкой из-под стола. – Не понимаю, какое вам...

– Где? – перебила ее баба Марфа.

– Что где? – Стеша вытерла вилку лежащим на краю стола полотенцем.

– Где ты потеряла свой платок?

– Не знаю, – соврала Стеша. Отчего-то говорить старухе правду не хотелось.

– Не ври мне! – Баба Марфа крепко сжала ее запястье своими сухими узловатыми пальцами. – Спрашиваю в последний раз! Где ты потеряла свой платок?

И как-то сразу стало ясно, что это и в самом деле в последний раз, что, если Стеша снова соврет, последствия для них с Катюшей могут быть самыми непредсказуемыми.

– На болоте. Я не помню точно. Кажется, на болоте.

Баба Марфа подалась вперед. Ее ногти впились в кожу Стеши с такой силой, что стало по-настоящему больно и по-настоящему страшно.

– Когда? – спросила старуха едва слышно. В голосе ее снова трещал огонь. Как у тех... угарников. – Когда ты его потеряла?

Когда? Это Стеша знала совершенно точно.

– В тот день, когда вы с Серафимом ходили слушать болото! – сказала она с вызовом. – Это ж самое обычное дело, да? Слушать болото! Вы пошли, а мне стало интересно.

– Ты за нами следила? – Баба Марфа теперь говорила совершенно будничным тоном. Пальцы она тоже разжала. От ее ногтей на Стешином запястье остались багровые лунки.

– Да, – сказала Стеша, – я пошла за вами на болото.

– Ты пошла за нами на болото и...

– И заблудилась.

Не станешь же рассказывать еще и о тех своих галлюцинациях. Как объяснить этой вредной старухе, что она почувствовала в тот момент? Как рассказать, что болото показало ей огромным живым существом?

Баба Марфа вдруг с мучительным свистом втянула в себя воздух, и Стеша испугалась, что у нее сейчас случится приступ удушья.

– Ты видела дым или огонь? – спросила баба Марфа. Крепкие пальцы ее теперь сжимали столешницу с той же силой, с какой раньше сжимали Стешину руку.

– Я видела воду. – Стеша потеряла глаза, словно этот жест мог прогнать вернувшееся вместе с воспоминаниями наваждение. – Снег начал таять прямо у меня под ногами.

Ответ был такой же странный, как и вопрос. Но, кажется, бабу Марфу он удовлетворил. Удовлетворил, но не успокоил.

– Ты сказала, что заблудилась.

– Так и было.

– Как ты вышла к дому?

– Не знаю. – Стеша пожала плечами. – Шла, шла и вышла.

На самом деле она не шла, а бежала со всех ног. Но зачем бабе Марфе такие подробности?

– Что ты видела?

– Кроме болота?

– Да. Что ты видела, кроме болота?

– Ничего!

Вот здесь Стеша была готова стоять до конца: она ничего особенного не видела, а что видела, то ей просто примерещилось.

– Хорошо, – сказала вдруг баба Марфа.

Вот только по глазам ее было видно, что ничего не хорошо, что она взволнована и зла. Она злилась на Стешу за то, что та самовольно вышла из дома? В двадцать лет нужно спрашивать разрешение на прогулку?!

– Все ведь закончилось хорошо. – Стеша почувствовала острое желание если не оправдаться, то хотя бы защититься от этого полного немого укора взгляда. – Со мной ничего плохого не случилось.

– Случилось. – Костяшки пальцев, сжимающих столоешницу, побелели, кожа на них натянулась до такой степени, что, кажется, была готова лопнуть в любой момент.

– Что случилось?

– Я думала, что ты умнее своей сестры, – сказала баба Марфа, а Стеше показалось, что старуха наотмашь хлестнула ее по щеке. – Я думала, ты взрослая, а ты безответственная идиотка!

– Как вы смеете?! – Теперь уже сама Стеша цепилась в столоешницу. Теперь ее костяшки побелели от ярости. – Почему вы...

– Смею! – оборвала ее баба Марфа. – Это ты пришла в мой дом! Это по твоему следу явились угарники! Это ты не желаешь слушать и слышать!

– Я не сделала ничего плохого! – Стеша скосила взгляд на полуприкрытую дверь и перешла на злой шепот. – Я вообще не понимаю, что тут творится!

– Вот именно! – с яростью в голосе прошипела баба Марфа. – Ты вообще ничего не понимаешь!

– Так объясните мне!

Собственная Стешина ярость была так велика, что сдерживать ее с каждым мгновением становилось все сложнее и сложнее. Она шла от Стешы невидимыми концентрическими кругами, как радиоволны. Она тяжелым камнем упала в стоящее на табурете ведро, брызгами разлетелась по комнате, ледяным туманом осела на Стешиных щеках и исчезла.

– Ой, – сказала Стеша, утирая лицо рукавом. – Что это было? Откуда?

Баба Марфа молча встала из-за стола, подошла к ведру, посмотрела на растекающуюся по полу лужу. Стеша тоже встала. В голове мелькнула одновременно глупая и шальная мысль, что вместе с водой баба Марфа зачерпнула из колодца рыбу, и теперь эта рыба бьется в ведре, рвется на волю. Вот только в ведре не было никакой рыбы. Ни рыбы, ни камня. А вода все равно волновалась, нервно билась о цинковые стенки ведра, как во время шторма бьются об утес морские волны.

– Я не понимаю. – Стеша протянула к ведру руку, и от этого растерянного жеста вода вдруг успокоилась и замерла.

Баба Марфа горестно вздохнула, уголком своего черного вдовьего платка стерла каплю с морищинистой щеки.

– Я тебя предупреждала, – сказала она равнодушным, разом утратившим все эмоции голосом. – Я предупреждала, что нельзя ничего брать у болота.

– Я не брала. – Стеша рассеянно разглядывала свою раскрытую ладонь. – Я ничего не брала у болота, бабушка.

– Но ты отдала.

– Что? Что я отдала?

– Платок. Ты отдала болоту свой платок.

– Я не отдавала. Оно само...

– Оно само... – Баба Марфа горестно усмехнулась. – Оно всегда находит способ.

– Болото?

– Весна в этом году будет ранней. – Баба Марфа говорила своим привычным ворчливым тоном, словно и не случилось между ними вот этого одновременно странного и страшного разговора. – Блин твой остыл. Доедай. И чаю я тебе налью. Не бойся. Теперь ты мои чаи можешь пить смело. – Она снова усмехнулась, а потом пробормотала себе под нос: – Не пойму, им-то ты теперь зачем?

– Кому? – спросила Стеша. – Я тоже ничего не понимаю. Не должно так быть, бабушка.

– Как должно, так и будет. Я смотрю, от меня тут вообще ничего не зависит.

Баба Марфа вдруг шагнула к Стеше и погладила ее по голове. Это был сухой, неласковый жест, но на сердце вдруг стало легче. Наверное, так чувствует себя бродячий пес, когда тянется к незнакомцу, еще не зная, что получит: кусок хлеба или удар палкой.

– Обещай мне, Стэффа. – Баба Марфа всматривалась в нее своими черными глазами, словно пыталась разглядеть в ней что-то новое, доселе неведанное. А может, и разглядела.

– Что обещать? – спросила Стеша. Все ее силы уходили на то, чтобы выдержать этот колючий взгляд.

– Свое ты болоту уже дала. Вольно ли, невольно ли, но дала. С этим уже ничего не поделать. Не бери у него ничего.

– У болота?

– Заманивать будет. Подарки дарить такие, что еще попробуй отказаться. Но ты держись, ничего у него не бери.

– Какие еще подарки на болоте? Грибы с ягодами? – Стеша невольно улыбнулась. – Так я в них не разбираюсь. Я вообще леса не знаю. Я в городе росла.

– Оно хитрое. – Баба Марфа, наконец, от нее отвернулась, принялась разливать по чашкам свой чай, который теперь Стеше можно пить. – Иногда так сразу и не поймешь, что это подарок. Мне ли не знать. А как поймешь, так уже и поздно.

– А Катюша? – Стеша обернулась, посмотрела на склонившуюся над птичкой сестру. – А ей как? Я понимаю, что ей к болоту нельзя, она маленькая еще, но...

– Пока ты живая, ей можно. Обоих сразу оно никогда не забирает.

Глава 6

Баба Марфа была права, когда сказала, что эта весна будет ранней. Весна оказалась не просто ранней, а стремительной. Снег истаял буквально за неделю. То белое и бесконечное, которое воспринималось Стешей как припорошенное снегом поле, внезапно оказалось озером. Или все-таки болотом?

Она никак не могла понять, где заканчивается озеро, а где начинается топь. Оказалось, что их дом окружен водой с трех сторон. Он стоял на клочке суши, врезающейся в озерно-болотную гладь небольшим полуостровом. Да и озеро на поверку оказалось старым речным руслом. Об этом Стеше рассказал заглянувший к ним в гости Серафим.

– Она всегда здесь была. – Серафим стоял на топком берегу рядом со Стешей и вглядывался в ползущий над темной водой туман.

– Речка? – спросила Стеша и поежилась. От воды шел холод. Туман оседал на волосах мелкими каплями.

– Заводь. Тут заводь! – сказал Серафим и махнул левой рукой в одну сторону, затем правой в другую и добавил: – Тут болото! А в середине мы!

– Она похожа на озеро, эта ваша заводь. – Сказала Стеша. – А болото похоже на лес. Там же деревья. Видишь?

– Там туман. – Серафим пожал плечами.

– А в тумане – деревья! – Разговаривать с ним было тяжело. Но в отличие от бабы Марфы, он хотя бы пытался отвечать на ее вопросы.

– В тумане бывает всякое, – сказал Серафим.

– Что именно? – Позвоночнику вдруг сделалось холодно и колко.

– Деревья. – Серафим загнул указательный палец на левой руке. – Кусты и клюква. – Он загнул средний палец. Наверное, кусты и клюкву он считал чем-то неделимым. – Звери... – Загибать безымянный палец Серафим не спешил, смотрел на него в задумчивости.

– Какие звери? – тут же спросила Стеша. Ей было важно знать, какая живность обитает на болоте.

– А в заводи много рыбы. – Серафим мечтательно улыбнулся. – В болоте рыба другая.

– В болоте не водится рыба.

Стеша хотела услышать про зверей, но про здешний подводный мир ей тоже было интересно. Рыба – это еда, чистый белок, которого сейчас им всем так не хватает. Странно, что на заводи зимой никто из местных не делал лунки, не занимался подледной рыбалкой.

– Водится! – Серафим посмотрел на нее с жалостью, как на дурачку.

– Не водится! – Стеше вдруг стало обидно. – В болотной воде недостаточно кислорода, а без кислорода рыбе не выжить. Это как человеку не выжить без воздуха.

Серафим упрямо покачал головой.

– Не всякой рыбе нужен воздух.

Спорить с ним Стеша не стала. Вместо этого снова повторила свой вопрос:

– Какие звери живут на болоте?

– Разные. – Серафим улыбнулся. – Я лося видел! – Он потер переносицу, добавил: – Рога тоже видел, только брать не стал – тяжелые. Рысь живет. Волки еще. Волков много. Раньше на них устраивали облавы, но только в лесу.

– Почему только в лесу?

– Потому что на болото никто соваться не смеет. Там свои правила.

– Какие правила, Серафим? Кто установил эти правила?

– Я не знаю. Мне оно не рассказывало. – Серафим снова улыбнулся. Вид у него был блаженный. Впрочем, не только вид. Серафим и был блаженным деревенским дурачком, которого почему-то привечала баба Марфа.

– Оно тебе рассказывало? – спросила Стеша.

– Шептало. Вот тут я слышу шепот. – Серафим постучал себя пальцем по виску. – Когда оно спит, все тихо. Я потому зиму и люблю, что тихо все. Не мешает мне ничего. Я тоже тогда спать могу.

– А почему зимой тихо?

– Я ж тебе говорю, зимой оно спит.

– Болото?

– Болото.

– А весной просыпается?

– А весной просыпается. Когда в начале марта, когда в конце.

– Уже, получается, проснулось?

– Давно проснулось. В этом году что-то очень рано. И весна такая ранняя. Видишь? – Серафим развел руками, словно показывая Стеше, какая ранняя в этом году весна.

– Это хорошо или плохо? – спросила она и затаила дыхание в ожидании ответа.

– А я не знаю. – Серафим выглядел растерянным, как будто своим вопросом она застала его врасплох. – Наверное, хорошо.

– Почему хорошо?

– Когда оно рано проснулось и больше спать не хочет, можно увидеть остров. Я его видел однажды. Давно, еще в детстве. Я маленький был, но запомнил. Тетушка мне тогда велела не болтать. А я так хотел рассказать.

Баба Марфа вообще не любила болтливых. Но что еще за невидимый остров, о котором лучше не рассказывать?

– Посреди болота остров? – спросила Стеша осторожно. – Ты его нашел?

– Это он меня нашел. – Серафим на мгновение прикрыл тяжелые веки. – Он кому попало не кажется. А уж если показался, считай, печать на тебе.

– Как это: кому попало не кажется? – Стеша улыбнулась недоверчиво. Серафим ей нравился, но верить в его байки было глупо. – Прячется он, что ли, этот остров?

– Прячется. Под воду уходит. И все: нет его! Как рыба.

Остров, который как рыба, который прячется под воду... Где-то она такое уже слышала. В далеком детстве слышала. А еще совсем недавно от мамы.

– Как в сказке. Да, Серафим? – спросила Стеша.

– В какой сказке? – Он нахмурился.

– В сказке про рыбу-кит. Это такая огромная рыба, а на ней трава, лес, деревня даже. Ты себе таким представляешь этот волшебный остров?

– Это не сказка, Стэффа, – сказал Серафим тоном бабы Марфы. – Это настоящий остров, а не волшебный. А рыба... – Он надолго задумался, а потом продолжил: – Может, и в самом деле рыба? – Его брови изумленно выгнулись, словно бы он только что сделал великое открытие. – Старая-старая, большая-большая рыба. А те, другие – это ее детки.

– Какие другие?

Разговор был бессмысленный, но все равно увлекательный. Стеша живо представила гигантскую реликтовую рыбину, живущую в здешнем огромном болоте. Болото ведь и в самом деле было огромное! Она видела его на карте в отцовском кабинете. Помнится, еще удивилась его размерам. А папа тогда сказал, что придет очередь и этих глухих мест. Советские инженеры реки вспять обращают, что им стоит осушить какое-то болото! Просто время его пока не пришло, есть у партии задачи поважнее. А мама, помнится, тогда нахмурилась, как

будто ей не понравились разговоры про грядущую мелиорацию. Или ей просто не нравились разговоры про болото?

– Болотные рыбы, – сказал Серафим и сунул озябшие ладони себе под мышки. – То есть это я думаю, что рыбы, а в деревне думают, что змеи. На болото у нас почти никто не ходит. Зверья в лесу хватает. Рыбы в реке полно. А на болото если только за клюквой, да и то недалеко, по самому краешку.

– Откуда ж тогда в деревне знают про рыб?

Явно все оттуда же, из местного фольклора! Если есть сказка про рыбу-кит, отчего ж не быть про рыбу-змею?

– По костям, – сказал Серафим. – По костям и черепам.

По черепам... Один такой Стеша совсем недавно видела висящим на входной двери. И это был в самом деле очень большой череп! Тогда ей подумалось, что змеиный. Почему подумалось? Наверное, из-за зубов. А если на самом деле рыбий? Много она видела в своей жизни рыбьих черепов? Может так статься, что в этих местах давным-давно обитали какие-то древние рыбы? Находят же до сих пор скелеты динозавров! Или мамонтов! А на торфяниках и условия подходящие! Высокая кислотность, недостаток кислорода – идеальная среда для мумификации и консервации.

– И по рассказам. Дед Тихон одну такую видел собственным глазом.

– Глазом? – усмеялась Стеша.

– Глаз у него только один, второй еще в детстве выбили камнем, – терпеливо пояснил Серафим. – Но тот, что остался, видит очень хорошо! Дед Тихон лучший на всю округу охотник.

– И он собственным глазом видел рыбу на болоте?

– Видел. – Серафим кивнул. – Рассказывал, что погнался за подраненным секачом и в азарте не заметил, как оказался на болоте.

– Болото – это же топь, да? Как там передвигаться? Где там вообще открытая вода?

– Как это где вода?! Это же болото! Там кругом вода. А под водой остров и рыбы. – Серафим говорил так уверенно и так увлеченно, что спорить с ним не было смысла. – А окна болотные, Стэф? – Он всмотрелся в Стешино лицо, а потом кивнул, сказал уже спокойно: – Ты ж не была на болоте.

Она была. Вот только не летом, а зимой. И не видела она никакой большой воды из-за льда и снега. Только чувствовала.

– Баба Марфа меня на болото не пускает, – сказала Стеша с усмешкой.

– Правильно. Не надо тебе туда. Рано еще.

– Для чего рано?

– А может, и вовсе обойдется. – Серафим разговаривал сам с собой, на Стешу даже не смотрел. Она все никак не могла привыкнуть к этой его манере общения. – А рыбу дед Тихон тогда видел, вот как я сейчас тебя.

– И что это была за рыба? – спросила Стеша, уже окончательно смирившись с тем, что Серафим говорит только то, что сам считает нужным сказать.

– Большая. Очень большая! – Серафим снова развел в стороны руки. – Она утащила под воду секача. Деду Тихону, считай, повезло, что секач был к ней ближе, чем он. А то ведь кто знает, чем бы все закончилось!

Стеша вспомнила, как выглядит дикий кабан: видела чучело в краеведческом музее пару лет назад. Секач показался ей огромным, а экскурсовод тогда сказал, что это далеко не самый крупный представитель вида. И вот какая-то рыба сумела утащить этакую громадину под воду!

– Дед Тихон тогда от страха на дерево залез. Всю ночь, говорит, на нем просидел. Боялся, что секача рыбе мало покажется.

- Это не рыба получается, а какой-то аллигатор, – сказала Стеша.
- Кто? – Серафим посмотрел на нее своим по-детски ясным взглядом.
- Крокодил такой огромный. Живет в болотах Северной Америки.
- Это не крокодил. – Серафим мотнул головой. – Дед Тихон лап никаких не видел.
- А что видел?
- Глаза, говорит, видел. Желтые. И тело такое длинное-длинное.

Глаза желтые, тело длинное. Даже если предположить, что в болоте живет какое-то древнее существо, то по описанию это не рыба, а змея.

– Вокруг секача она всем телом обвилась и потянула под воду. А секач крепкий был, матерый! Он рыбу перед смертью клыком в бок пырнул. Дед Тихон видел кровь. Он еще надеялся, что рыба подохнет и всплывет. Очень хотел на нее вблизи посмотреть. Но никто не всплыл: ни секач, ни рыба. Болото свое никогда не отдает.

– А остров? – спросила Стеша. – Ты говорил, как рыба появляется, так и остров следом.

– Он и появился. – Серафим кивнул. – Аккурат на третий день после того, как дед Тихон вернулся с болота. Два дня дед пил и всем про рыбу рассказывал. Он рассказывал, а я слушал да прикидывал, где могу ту рыбу повстречать. Я ж малой тогда совсем был. Малой и глупый. На третий день как раз и пошел на болото.

– Не боялся заблудиться?

– Я? – Серафим посмотрел на Стешу с удивлением. – Я болото уже тогда слышал. Ничего не понимал, но точно знал, когда оно спокойное, а когда злится. Болото не злилось, и я решил сходить поискать рыбу.

– И как? Нашел? – Стеша перешла на шепот. В наползающий с болота туман она теперь всматривалась с особым вниманием.

– Даже не знаю. – Серафим улыбнулся. – След от нее видел.

– На земле?

– Почему же на земле? На воде! Она под водой плыла, а сверху только тень ее и волны. Она в самом деле большая. Очень большая и очень длинная. Я, как дед Тихон, на дерево залез и сверху смотрел. Сверху ж всегда лучше видно. Сидел на дереве, наверное, полдня, задремал даже. А потом дерево мое словно бы покачнулось.

– Как покачнулось? Ветром?

– Нет на болоте ветра, – сказал Серафим назидательным тоном. – Дерево качнулось, как будто в него кто-то врезался внизу.

– В ствол?

– Ниже. Как будто его не над землей, а под ней кто-то качнул. Так качнул, что наклонил над водой. Я тогда еще подумал: это чтобы мне было лучше смотреть.

Представить такое у Стешы никак не получалось. Поэтому уточнять, как и кто мог качнуть дерево под землей, она не стала.

– А потом мое дерево поплыло. И я вместе с ним, – продолжил Серафим с улыбкой. – Не смотри на меня так, Стэф! – Он хитро улыбнулся. – Я с ума не сошел. Ты думаешь, как это дерево оторвалось и поплыло? Да?

Стеша неопределенно пожала плечами. Сначала болотная рыба, теперь вот плавучее дерево.

– Так оно поплыло не само собой, а вместе с землей. Оторвалось и поплыло.

– Дерево с куском суши?

– Да. У нас тут такое бывает. Особенно когда вода высокая. Плавучие острова. Трава, кусты, деревья – все вместе плывет себе по течению.

– По какому течению? В болотах нет течений.

– В нашем есть. Если мне не веришь, у тетушки спроси. Три года назад летом один такой плавучий остров как раз к вашему берегу прибило. До осени он тут простоял, а потом уплыл восвояси.

Восвояси... Стеша живо представила, как из тумана выплывает сначала остров, а следом огромная то ли рыба, то ли змея, и поежилась.

– Холодно? – спросил Серафим участливо.

– Зябко.

– На болоте всегда зябко, даже в самое жаркое лето. Я тогда тоже замерз на своем дереве. А как увидел рыбу, так меня сразу в жар бросило. Она кружила вокруг острова, близко не подплывала, на поверхность не всплывала. Но след ее я на воде видел. Как от подлодки след. Только откуда же в нашем болоте взяться подлодке, правда?! – Серафим усмехнулся.

Это уж точно! Подлодке тут взяться неоткуда, а вот реликтовой чудо-рыбе – очень даже.

– А потом рыба уплыла, а вода вокруг забурилась.

– Как забурилась? – Что ни говори, а рассказывать сказки Серафим умел. – Газы болотные стали подниматься со дна? – Стеша все еще пыталась найти хоть какое-то научное объяснение необъяснимому.

– Забурилась, как в котелке, когда уха варится, – объяснил Серафим. – Волна пошла. Мое дерево закачалось так сильно, что я с него слез, чтобы не свалиться. А потом появился он. – Серафим сделал паузу, не драматическую, а задумчивую, словно вспоминал, как все происходило. – Сначала из воды появились верхушки деревьев. Елки там были, дубы и осины. И деревья были прямо такие крепкие, не такие, какие обычно на болоте растут. И вода с них стекала вниз, на землю, на огромные черные валуны. Они черные были, потому что мокрые. А потом, как высохли, стали зелеными с серебряной искрой. Солнца на болоте не бывает никогда. Но те камни все равно светились.

– Он был большой? – неожиданно для самой себя спросила Стеша. Не то, чтобы она поверила во все эти рассказы, но слушать Серафима было очень интересно. – Этот остров.

– В тумане было не разглядеть, но мне показалось, что очень большой, намного больше моего. Мой к нему как раз и причалил, как лодочка к кораблю. Стукнулся о каменный берег и перестал качаться.

– А ты? – Стеша посмотрела на него одновременно требовательно и вопросительно. – Ты сошел на этот берег?

– Сошел. – Серафим кивнул. – Только тетушка говорит, что зря.

– Почему?

– Потому что это был не простой остров. Это была Марь.

Марь? В слове этом Стеше чудилось что-то одновременно загадочное и поэтичное. Загадочного было чуть больше.

– А Марь – это плохо?

– Марь – это не для людей.

– И что случилось?

Ответить Серафим не успел.

– Стэф! – Резкий голос бабы Марфы в клочья разорвал очарование момента. Даже туман испуганно припал к воде и, кажется, зашипел.

– Да, бабушка?

Стеша обернулась. Ей казалось, что баба Марфа стоит прямо у нее за спиной. Но старуха стояла далеко: метрах в ста от берега. Как такое вообще возможно? Что это за акустический феномен такой? Может быть, из-за тумана?

– В дом иди. – Сейчас голос бабы Марфы доносился издали. Как Стеша могла вообще подумать, что она рядом? – И ты, Серафим, ступай домой! Скоро стемнеет!

– Я темноты не боюсь, – сказал Серафим и помахал бабе Марфе рукой. – Я вообще ничего не боюсь, Стэффа.

– Это хорошо, – зачем-то похвалила она его.

– А ты бойся. – Ясные глаза на иконописном лице Серафима вдруг налились темнотой. Вместо небесной голубизны в них теперь клубилось марево. То самое марево, которое встретило его в далеком детстве. Голос его тоже изменился, сделался по-стариковски глухим, в нем слышался треск горящих веток.

– Чего мне бояться? – спросила Стеша шепотом и отступила на шаг.

– Мари, – сказал Серафим и улыбнулся. На мгновение, на сотые доли секунды Стеше показалось, что перед ней не человек, а принявший человеческий облик болотный туман, что из темных провалов глазниц на нее смотрит древняя рыба. Смотрит, изучает, оценивает.

– А я темноты вообще не боюсь! – Древняя рыба ушла в черные глубины, возвращая на поверхность деревенского дурачка Серафима, возвращая ему голос и синеву глаз.

Стеша покачнулась, словно кто-то невидимый ткнул ее в грудь и вышиб из легких сырой болотный воздух. Она сложилась пополам и закашлялась. Серафим заботливо похлопал ее ладонью по спине. И с каждым таким ударом из груди ее выплескивалась горькая болотная вода. А потом на Стешу навалилась тьма и потащила на глубину, туда, где ее поджидала древняя рыба.

Глава 7

Стэф приехал минута в минуту, но Арес уже поджидал его, сидя на лавке перед своим подъездом. Армейский рюкзак с самым необходимым стоял тут же, у его ног. Сказать по правде, он до последнего считал, что Стэф передумает. Какой интерес переться к черту на рога из-за обыкновенной, пусть и хорошо сохранившейся армейской фляги? Что он рассчитывает найти на том богом проклятом болоте? Что это вообще за блажь такая? Но за блажь Аресу хорошо заплатили, а вести раскопки было куда интереснее, чем рыть могилы. Арес искренне надеялся, что Стэф в курсе «законности» этой деятельности.

– Доброе утро! – Стэф высунулся из кабины своего Крузака, призывно махнул рукой.

Арес с ленцой потянулся, подхватил с земли рюкзак и забрался на пассажирское сидение.

– Куда едем? – спросил Стэф таким тоном, словно ему было абсолютно все равно, куда ехать. А может быть, и в самом деле все равно?

Арес продиктовал название пункта назначения. Стэф молча вбил его в навигатор и дождался загрузки маршрута. Ехать получалось ни далеко, ни близко – чуть меньше тысячи километров. Если не тупить и не тратить время на пустыки, к вечеру будут на месте. Стэф производил впечатление мужика неспешного и основательного, а вот его Крузак выглядел так, словно прошел огонь и воду. Вид Крузака внушал Аресу некоторый оптимизм. Если бы ему позволили, он бы с радостью сел за руль. Да кто ж доверит чужаку своего железного коня? Сам Арес ни за что не доверил бы.

Стартанули мягко, но резво. По узким улочками спального района, между кое-где и кое-как припаркованными машинам Стэф маневрировал поразительно ловко. Иногда Аресу казалось, что дело закончится снесенным зеркалом заднего вида или поцарапанным крылом, но обошлось. А на трассе стало совсем хорошо. Стэф вел уверенно и выглядел так, словно полжизни провел за рулем. А еще он молчал. Час молчал, два молчал, три молчал. Арес не выдержал на четвертом часу. К этому времени он успел подремать, просмотреть новости и свежие сообщения на форуме копателей. Именно для форума он и придумал свой никнейм. Впрочем, не то чтобы придумал – взял в долг у бога войны. А имечко возьми и приживись. Арес привык к нему, как к родному, и возвращать не собирался. Псевдонимы в их деле отвечали не столько за понты, сколько за безопасную коммуникацию. Жаль только, что почти никто из его визави не знал значения этого имени.

– И что, даже не спросишь, как там? – сказал Арес, зевая и почесывая пузо.

– Где там?

Стэф скосил на него взгляд. Наверное, по случаю дальней дороги его волосы были убраны в хвост. Наверное, он даже мог бы сойти за байкера с этими своими волосами, горой мышц и невозмутимостью. Все портила борода! Лохматая, неопрятная, как у крепостного мужика!

– Там, это на месте! – Арес вытащил из рюкзака бутылку минералки, сделал большой глоток, протянул Стэфу. Тот отрицательно мотнул головой. То ли пить не хотел, то ли брезговал. – Ты даже не поинтересовался, куда мы едем. Вчера я подумал, что эта рассеянность по пьяни, а сегодня вот начал сомневаться.

– Сколько мы там выпили? – отозвался Стэф.

Выглядел он в самом деле огурцом. Перегаром в салоне Крузака не пахло. Пахло, наоборот, чем-то вкусным и благородным.

– Так почему не уточнил маршрут? – не отставал Арес. – А вдруг я сказал бы, что ехать нужно за Урал?

– Так и поехали бы за Урал.

Стэф пожал плечами. В жесте этом была такая привычная небрежность, что Аресу снова стало завидно. Он поймал себя на мысли, что больно уж часто завидует Стэфу. А чему там

завидовать? Бороде лопатой? Баблу? Баблу, пожалуй, можно было бы и позавидовать. Интересно, чем Стэф занимается в свободное от походов по аукционам время?

– И сейчас неинтересно? – спросил Арес.

– Интересно.

– Так почему не спрашиваешь?

– Так скоро сам все увижу.

– Ну, ты даешь! – Арес откинулся на спинку сидения. – Едешь с незнакомым мужиком хрен знает куда, хрен знает зачем и не задаешь вопросов!

– Почему с незнакомым? – Стэф приподнял бровь. – Я навел справки. Я знаю, с кем еду, и знаю, ради чего.

Значит, навел справки. Не помог, выходит, псевдоним. Кому нужно, тот найдет. А Стэф ведь и нашел! Глупо было думать, что в «Тоске» они встретились случайно. Пробили его! Как малого ребенка вычислили! А чего не вычислить, если он сам сунул Стэфу визитку со своим номером телефона?

– А вот я никак не могу понять, ради чего. – Арес покачал головой. – Я тебе честно говорю, нет в той глуши ничего интересного! Все интересное уже давным-давно выкопали. Фляжку ту я вообще чудом нашел. До сих пор удивляюсь.

– Чудом – это как? – спросил Стэф. В голосе его впервые за все время послышался интерес.

– Чудом – это прямо под ногами. Шел-шел и нашел! Лежала себе на бережке, наполовину в песочке, наполовину в водичке. Представляешь? Я ее не откапывал, она ко мне сама в руки приплыла!

– Чудом... – рассеянно повторил Стэф, а потом вдруг спросил: – Ты есть хочешь?

– Хочу, – признался Арес.

– Тут поблизости есть неплохое придорожное кафе. Предлагаю перекусить.

Кафе и в самом деле оказалось неплохое, хоть и придорожное. Арес наелся от пуза, а потом еще и влил в себя две большие чашки капучино из автомата. Стэфу сварили настоящий черный кофе. Оказывается, так можно было. Но завидовать Арес не стал. Сытость располагала к благости.

В следующий раз Стэф заговорил, когда до места оставалось всего пару часов езды.

– Где ты там жил? – спросил он.

– Я? – Арес посмотрел на него с изумлением. – В палатке.

– Я в палатке не хочу. – Стэф потерял свою бородень, а потом велел: – А глянь-ка, нет ли поблизости каких-нибудь кемпингов или сдающихся внаем домов.

– Насчет кемпингов я сильно сомневаюсь. – Арес уткнулся в свой смартфон. – Уж больно места дикие. Хотя с нынешней модой на все экологичное...

Интернет он промониторил минут за пять. По всему выходило, что ночевать им придется если не в палатке, то в Крузаке. По крайней мере, этой ночью.

– Есть поблизости какая-то усадьба, – сказал он. – Прямо на берегу реки.

– Хорошо, – пробормотал Стэф.

– Но она еще не работает. В смысле, находится на реконструкции и когда откроется – неизвестно. А больше ничего подходящего. Может, в городе гостиницу поискать? От города до деревни километров двадцать. Переночуем, а утром можем у местных поспрашивать насчет жилья.

– Ищи в городе. – Стэф кивнул. – Завтра определимся с постоянным жильем.

– В каком смысле постоянным? – удивился Арес. – Мы в эту глухомань надолго?

– Как пойдет. – Стэф пожал плечами, а потом усмехнулся и добавил: – Не переживай, к началу семестра управимся.

Арес посмотрел на него с легким раздражением, сказал:

– А я смотрю, ты глубоко копнул.

– Я нормально копнул. Ровно на ту глубину, которая меня интересовала.

– То есть родословную мою ты не запрашивал?

– Не было такой надобности. – Стэф оторвался от дороги, посмотрел на Ареса: – Ты не передумал?

– Я не передумал. – Арес провел ладонью по наголо выбритой голове. – Я просто никак не возьму в толк, зачем тебе все это.

– Я пока тоже, – сказал Стэф и уставился на дорогу.

В город они въехали с первыми закатными лучами. Впрочем, назвать его городом можно было с очень большой натяжкой. Ни одного здания выше пяти этажей Арес не увидел. Да и те были в основном в центре. Сам центр с несколькими выстроившимися буквой «П» административными зданиями, супермаркетом, гостиницей и рестораном окружали одноэтажные дома разной степени привлекательности и обустроенности. Но в целом выглядело все пасторально и благолепно. Хоть прямо сейчас на фото в туристический буклет!

Стэф остановил Крузак на пустой автостоянке перед гостиницей с претенциозным названием «Парадиз». Название это приветственно мерцало ядовито-розовым неоновым светом. С гостиницей соседствовал одноименный ресторан с такой же вульгарной вывеской.

– Ничего, – сказал Стэф, то ли утешая себя, то ли подбадривая, – зато за едой далеко ходить не придется.

– Ага, – поддакнул Арес, – отведал местных разносолов – и в рай!

В животе у него тут же громко заурчало. Стэф усмехнулся и первым направился к входу в гостиницу. Вход охраняли два позолоченных льва, таких же претенциозно-вульгарных, как и вывеска. В самой гостинице неожиданно оказалось вполне уютно. Конечно, если закрыть глаза на обилие позолоты и прочих вензелей.

– Хозяин, похоже, тяготеет к прекрасному, – сказал Арес, осматривая гостиничный холл и стоящую за стойкой фигуристую барышню. Барышня приветливо улыбнулась, но не ему, а Стэфу. Наверное, каким-то шестым чувством определила, кто в их тандеме главный. Или ей нравились косматые и бородатые мужики типажа Ильи Муромца.

Их заселили в соседние номера. Номера были из разряда «бедненько, но чистенько». Арес предположил, что все хозяйское бабло ушло на «вензеля» и позолоту в холле. В ресторане тоже было дорого-богато. А еще подозрительно тихо. За столиками сидело всего несколько посетителей. Музыка не было вообще никакой: ни живой, ни мертвой. И к лучшему: Аресу сейчас хотелось просто пожрать и поспать.

Пожрать получилось. Кухня в «Парадизе» оказалась весьма приличной, а цены гуманными. Они со Стэфом даже выпили по паре рюмашек коньяка. Коньяк, к слову, оказался дороже самого ужина. Арес очень надеялся, что за такие деньги им не налили какой-нибудь паленой дряни.

А вот лечь спать сразу после ужина не вышло. Тихий городишко на поверку оказался не таким уж и тихим. В тихом городишке обижали бабушек божьих одуванчиков!

Старушка в платочке, вязаной кофте, юбке до пят и с клюкой под мышкой довольно резво пересекала граничащую с рестораном площадь. Арес не знал, что удивило его больше: эта резвость или тот факт, что старушка шляется по городу в полуночный час, вместо того чтобы вязать внукам носочки. Удивление довольно скоро перешло в беспокойство.

Бабулечка уже была на самой границе освещенной фонарями площади, когда из темноты ей наперерез вышли четверо. По виду местные гопники, малолетнее шакалье, промышленяющее под покровом ночи. И вся эта свора с четырех сторон окружила старушку. Арес и Стэф стояли на крыльце ресторана на противоположной стороне площади, но пьяный гогот шакалят разносился в ночной тишине на сотни метров. Старушка испуганно замерла. Арес вздохнул. Он был сыт, благостен и из-за выпитого коньяка малость тяжел на подъем.

– Я, наверное, схожу, гляну, что там и как, – сказал он без особого энтузиазма. – Не люблю, понимаешь, когда хулиганы бабушек обижают.

– Справишься? – спросил Стэф, разглядывая шакалят.

Арес кивнул.

– Как-нибудь разберусь.

– Ну, иди, – разрешил Стэф. – А я пока тут постою, понаблюдаю за переговорами. Если что, зови.

Арес фыркнул и спрыгнул с крыльца. Шакалята пока бабулечку не обижали, просто кружили вокруг нее голодной глумящейся сворой, но когда Арес был уже на середине пути, перешли от слов к делу. Один из шакалят дернул старушку за рукав кофты с такой силой, что та едва не свалилась на землю. Может, и свалилась бы, если бы второй шакаленок не обхватил ее сзади. Да не просто обхватил: с глумливым смехом оторвал от земли. Арес отчетливо видел болтающиеся в воздухе тяжелые боты. Бедная-бедная старушка!

– Эй, дебил! – рявкнул Арес. – А ну поставь бабушку на место!

Дебил обернулся. Вслед за ним отвлеклись от своего черного дела остальные.

– Ты чё вякнул?! – спросил дебил и осклабился.

– Я сказал, старость нужно уважать.

А бабулечка оказалась не промах! А бабулечка оказалась шаолинским монахом! А бабулечка, воспользовавшись замешательством, вызванным эффектным появлением Ареса, пнула одного дебила каблуком в ногу, а второго клюкой в живот. Арес восторженно присвистнул и ломанулся в бой, спасать шаолинскую бабушку от хулиганов. Или хулиганов от шаолинской бабушки.

Бой закончился до скучного быстро. Не то чтобы Арес был таким уж крутым бойцом, но детство и отрочество его прошло на улицах далеко не самого спокойного района. А когда не на улицах, тогда в тренажёрках. Потому как мальчику из приличной семьи, который с детства был крепок духом, но слаб телом, нужно было учиться за себя постоять. Арес научился: подтянул крепость тела до крепости духа. А шакалята были всего лишь местной шпаной. Задиристой, безмозглой и нетренированной. Шакалят он раскидал быстро. Да и бабулечка не стояла на месте, помогала, чем могла. Первые пару минут.

В бою бабулечке, похоже, досталось: она вдруг ойкнула, чертыхнулась, схватилась за нос и выбыла из игры. До неё явно дотянулся один из шакалят. И пока Арес продолжал махать кулаками, а иногда ногами, она ретировалась с поля боя и аккуратненько уселась прямо на землю.

Арес отомстил за страдания старушки, отправив в нокаут ее малолетнего обидчика. Обидчика, матерясь и грозясь страшными карами, утащили с поля боя его подельники. Арес перевел дух и осмотрелся. Стэф по-прежнему стоял на крылечке в расслабленной позе праздного наблюдателя. Заметив, что Арес смотрит в его сторону, он приветственно махнул рукой. Арес махнул в ответ, подобрал валяющуюся на земле клюку – шаолинское оружие. Теперь ему предстояло самое сложное: раз уж он спас прекрасную бабушку из лап злодеев, надо эту бабушку хотя бы через дорогу перевести. Так сказать, по заветам пионерии.

– Бабушка... – Он обернулся. Старушки на месте не было. Старушка резво ковыляла прочь с поля боя.

Ему бы обрадоваться, что не нужно никого через дорогу переводить, но, наверное, еще не выветрился хмель из головы, а адреналин из крови.

– Бабушка, вы палочку свою забыли! – Заорал Арес и бросился вдогонку за спасаемой, но не желающей быть облагодетельствованной по полной программе старушкой.

– Себе оставь, внучок! – прогундела старушка, не оборачиваясь.

– Так мне такое еще рановато! Да постоит вы!

Бабулька была настолько резва и деловита, что Аресу пришлось перейти на бег, чтобы ее догнать.

– Да что ж такое-то?! – Он со всем возможным уважением положил ладонь на костлявое бабкино плечо. – Да заберите вы свою клюку! Мне чужого не нужно!

А плечо оказалось не таким уж и костлявым. Вполне себе упругим оказалось плечо. Арес осторожно потянул его на себя, поворачивая бабку вокруг оси.

Бабка развернулась неожиданно резко. Как он мог забыть про шаолиньское проворство?

– Ну, давай свою палку, внучок! – прошипела она неласково. – Да вали уже с богом!

А вот к такому хамству жизнь Ареса не готовила! Ни к хамству, ни к тому, что бабка неожиданно заговорит молодым и злым голосом, ни к тому, что бабка окажется совсем даже не бабкой.

– Ого, – сказал Арес растерянно и, наверное, от растерянности сжал плечо еще сильнее.

– Решил бабушке руку сломать, внучок?! – Она дернулась, но Арес держал крепко.

– Решил на бабушку поближе посмотреть. Надо же знать, кого спас из злодейских лап.

– Мог и не спасать! Бабка бы и сама неплохо справилась!

Она дергалась и брыкалась. Пришлось схватить ее за плечи обеими руками и держать вот так, на вытянутых руках, чтобы часом не лягнула или не куснула.

Все-таки с лицом ее было что-то не так. И дело даже не в распухшем носу и не в потеках крови на подбородке, а в самом лице. Оно было старушечьим, но не старым. На Ареса гневно зыркали голубые глазищи в обрамлении густых ресниц. Бывают у бабулек такие ресницы? Да и вертлявость у нее какая-то повышенная.

– А ты точно бабка? – спросил Арес вкрадчиво. От пережитого шока он как-то неожиданно для самого себя перешел на «ты».

– А ты точно спаситель? – спросила она и попыталась пнуть его ногой в колено. – Что ж ты, спаситель, даму за шкирки таскаешь?

– А и то верно! – Аресу вдруг стало так обидно, что аж челюсти от злости свело. – И чего это я?

Он разжал пальцы так быстро и так неожиданно, что «бабулька» не удержалась на ногах и с воплем плюхнулась на задницу.

– Дебил! – сказала она в сердцах, встала сначала на четвереньки и только после этого вертикализировалась.

– Ага, это вместо спасибо.

– Дебил с гипертрофированным чувством собственной значимости!

Бабка вдруг задрала подол юбки. Сделала она это с такой коварной стремительностью, что Арес не успел ни отвернуться, ни зажмуриться. Но ничего страшного не случилось. Никаких панталон с начесом и прочих непотребств под юбкой не обнаружилось. Под юбкой обнаружились драные джинсы. А псевдобабка обмотала подол юбки вокруг талии и попятилась.

– Провожать меня не надо, внучок! – Сказала она и шмыгнула распухшим носом.

– Чур меня! – сказал Арес и перекрестился. – Ступай с богом, чудовище!

Чудовище возмущенно фыркнуло и исчезло в темноте. А через пару мгновений тишину нарушил рев мотоцикла. Голос у него был такой же раздраженный, как и у его придурочной хозяйки.

Стэф дождался Ареса, развалившись на лавочке перед входом в «Парадиз», который кабак, а не гостиница.

– Догнал? – спросил участливо.

– Догнал! – Арес сел рядом, вытащил из кармана джинсовки сигареты, закурил. – Вот, даже клюку на память подарила!

Он положил клюку на колени, повертел и так и этак. Клюка, кстати, была непростая. Не из тех, что можно купить в магазинах медтехники или в интернете. Клюка была деревянная,

с круглым стальным набалдашником. Таким не то что от хулиганов можно отбиться, таким и черепушку в случае чего можно проломить.

– Можно? – Стэф потянулся к клюке.

– Да пожалуйста! – Арес сделал глубокую затыжку.

– Интересная вещица. – Глаза Стэфа загорелись. Примерно такое же выражение было на его лице, когда он купил на аукционе фляжку. – Лет сто ей, не меньше. – Он перевел взгляд на Ареса, сказал: – Очень хороший подарок! Твоя старушка знает толк в старине. Уж прости за тавтологию.

– Сколько? – спросил Арес деловито. – Сколько можно за нее выручить?

– Я готов купить ее за пять сотен, – сказал Стэф просто.

– Рублей?

– Долларов.

– Ты прихватил с собой печатный станок?

– Я прихватил с собой доллары. Ну так что, по рукам?

– По рукам! – Арес пожал крепкую ладонь Стэфа, а потом в сердцах сказал: – А старушка моя просто идиотка.

Глава 8

Стеша пришла в себя быстро, словно и не случилось с ней ничего странного, не примерещилось ничего на дне ясных глаз Серафима.

– Голодная ты, Стэффа, – сказал ей тогда Серафим, помогая подняться на ноги. – Голодная и худющая! – Он с неодобрением осмотрел ее с головы до ног, а Стеше вдруг как-то сразу стало легче. Голодный обморок – это прекрасное объяснение случившемуся! От гипогликемии и не такое может случиться. Считай, еще легко отделалась!

Баба Марфа вообще ничего не сказала. Она молча стояла на крыльце, дожидаясь, пока Серафим поможет Стеше дойти до дома, а потом так же молча ушла внутрь. Стеша еще несколько минут постояла с Серафимом, подышала сырým болотным воздухом, а потом сказала:

– Ну, я, наверное, пойду.

Серафим ничего не ответил, лишь молча кивнул и пошагал прочь. А дома Стешу уже ждала запеченная картошка и горький отвар. Ни про свой разговор с Серафимом, ни про свое видение Стеша решила не рассказывать. По мрачному лицу бабы Марфы было ясно, что ей неинтересно.

– Весна пришла, – сказала она в ответ на Стешино «спасибо, бабушка» и почему-то тяжело вздохнула.

А вслед за весной в деревню пришли немцы. Пока еще только в деревню. Соваться на болото они не решились. Но страшные слухи об их зверствах доползали вместе с гулками пулеметными очередями и запахом гари, который приносил на своих влажных крыльях ветер.

В деревне Стеша была как раз перед приходом немцев. Ходила туда по поручению бабы Марфы, чтобы передать узелок с травами тамошнему фельдшеру Петру Герасимовичу. Фельдшер был старый и хромой, от него за версту несло махоркой и перегаром, но местные его уважали. А он, стало быть, уважал бабу Марфу, коль уж не гнушался ее травами.

– А где сейчас другие лекарства найти? У тебя есть? – Это был ответ бабы Марфы на невысказанный вопрос Стеши. – Или чем ты предлагаешь людей лечить?

Стеша тогда не нашлась с ответом, но к травкам присмотрелась очень внимательно, а потом еще у фельдшера Герасимовича уточнила, какая трава от чего помогает. Герасимович был с похмелья, и Стешины расспросы ему не понравились, но отказывать ей в такой малости он не стал, все подробно разъяснил. Он разговаривал с ней как с маленькой. Словно она не закончила три курса мединститута, словно она ему неровня. Стеша сначала хотела обидеться, а потом передумала. Кто она такая, чтобы учить жизни человека, у которого уже большая часть этой самой жизни позади? В обмен на травы Герасимович дал ей корзинку с «гостинцем». «Гостинец» по нынешним временам был царский: десяток яиц, холицовый мешок с мукой, имат сала и завернутая в пожелтевшую газету вяленая рыба. Ни одна болотная трава столько не стоила.

– Чем богатые, – сказал тогда Герасимович, закуривая вонючую самокрутку. – Люди несут, а мне одному много ли нужно? Ты иди, девонька, пока не стемнело. Ступай уже!

Все они здесь, в этой глуши, боялись темноты. Стеша помнила незваных ночных гостей, поэтому тоже боялась, хоть и пыталась убедить себя, что причина ее страхов лежит в иной плоскости и боится она не угарников, а топкого бездорожья.

Разговаривать про ту страшную ночь баба Марфа отказывалась. На все Стешины расспросы отвечала односложно и зло:

– Не твое дело, Стэффа! Твое дело за малой присматривать, да меня слушаться.

– И у болота ничего не брать! – злилась Стеша. – Ни грибов, ни ягод! Ничего!

– А чтоб у болота ничего не взять, на болото не нужно ходить! – Баба Марфа сарказма не понимала и не принимала.

– И если Марь увижу, сразу домой бежать! Что это за Марь такая, бабушка?

Про Марь баба Марфа тоже отказывалась разговаривать. Сказала лишь, что у Серафима язык без костей, а в голове болотный туман. Сказала, что нет никакой Мари, что все это детские сказки. Вот только лицо у нее при этом сделалось мрачное и совсем старое. Наверное, именно поэтому Стеша даже не пыталась узнать о ночном госте. Понимала, что баба Марфа все равно ничего не расскажет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.